

ГЛАВА V

ШКОЛЬНАЯ СИСТЕМА И ОБЩАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ ИМПЕРИИ

1. Ситуация в эллинистическую эпоху

ПОСЛЕ того как мы изучили развитие теории свободных искусств в эллинистическую и римскую эпохи, нам следует теперь рассмотреть конкретные институты (учреждения) и эволюцию школьной практики от конца эллинистической эпохи до эпохи Империи. В эллинистическую эпоху, как мы видели, за исключением Афин, где ситуация была иной, всякий греческий город, будь он в Малой Азии, на средиземноморских островах или в Европе, должен был иметь, начиная с III века до нашей эры, по меньшей мере одну муниципальную школу, состоявшую при гимнасии, которая имела бы задачей давать образование юношам из благородных семей между 16 и 18 годами. Это образование не было элементарным обучением. Навыки чтения и письма, а также элементарный счет, по-видимому, преподавались частным образом до поступления в эту школу. Богатые города располагали тремя гимнасиями, то есть у них был еще один гимнасий, в который ходили младшие мальчики, и даже третий, предназначенный для юношей старше 18 лет. Согласно тем немногочисленным сведениям, которыми мы располагаем, образование состояло главным образом из спорта, подготовительных и военных упражнений, музыки и литературы (к этой последней примыкали разнообразие исторические сведения: о мифах, народах, писателях, а также начала географии и практической астрономии). Рядом с этими муниципальными школами во многих греческих городах существовало, как мы уже показали, особенно начиная со II в. нашей эры, много частных школ риторики и грамматики, или скорее филологии, часто гораздо более высокого уровня, чем муниципальные, и можно сказать, что тип общей культуры, наиболее широко распространенный среди состоятельных людей в эллинистическую эпоху, являлся результатом комбинирования этих двух типов образования, школьного муниципального и частного в области грамматики и риторики, причем углубленное изучение грамматики считалось обычно необходимым введением к риторическому образованию.

Дополнением к этой общей культуре главным образом преимущественно словесного характера послужило философское образование, и не только в Афинах, где сформировались четыре большие философские школы, но и в других греческих городах Малой Азии и Европы. Мы располагаем достаточным числом эллинистических почетных надписей, которые являются или декретами, изданными в честь какого-нибудь философа, или надписями, выгравированными на подножии статуи или бюста, воздвигнутых в честь философа от города, от друзей или учеников, чтобы заключить, что философия сыграла определенную роль в греческой эллинистической цивилизации, которая, конечно, несопоставима с ролью риторов, но которой вовсе нельзя пренебречь. Согласно указателю *Bulletin épigraphique* Жанны и Луи Робер, мы располагаем значительно большим числом надписей в честь риторов, но лишь одной, упоминающей геометра, и малым числом, касающихся грамматиков. Даже если этот указатель не исчерпывающий, он может, тем не менее, позволить нам увидеть, как надписи отражают разницу во влиянии, которым могли пользоваться разные категории учителей в социальной и политической сфере. Так, например, надписи упоминают о благотворном влиянии философа на юношеские умы. Риторы и философы — особенно подходящие фигуры для того, чтобы составить посольство или даже играть политическую роль в городе. Дело обстоит совсем не так с теми, кого можно назвать «учеными», грамматиками или геометрами. Обычно им не представляется случая заслужить общественные почести, которые привели бы к воздвижению статуй в их честь. Но социальная и политическая значимость не тождественна значимости культурной. Не приходится удивляться, что при чтении Страбона, географа, который писал при Августе и Тиберии, общее впечатление, которое складывается от анализа эллинистических надписей, значительно меняется. В своих описаниях греческих городов и присущей каждому

городу культурной жизни Страбон называет не только много риторов и философов, но также и поэтов, грамматиков, что оказывается драгоценным свидетельством большой важности литературных занятий в эллинистическую эпоху. Гораздо более редки упоминания людей искусства: художников, скульпторов, знаменитых музыкантов; и еще реже упоминания математиков. Но следует знать, что для Страбона³ геометрия, астрономия и арифметика относятся к философии, как, впрочем, и сама география. На его взгляд, таким образом, математики и географы⁴ — просто философы. Так, например, в самом начале своей «Географии» он делает из Евдокса Книдского философа-географа и квалифицирует его далее как математика⁵, причем название «математик» есть не более чем частный случай общей квалификации «философа»⁶.

2. Постепенное превращение учителя в чиновника

Мы не знаем почти ничего об организации частного образования в области грамматики, риторики и философии в эллинистическую эпоху, и мы равным образом не можем сказать, в какой момент риторическое и философское образование, долго остававшееся исключительно частным, начало трансформироваться в муниципальное: можно констатировать лишь завершение этого процесса в эпоху Империи в начале II века нашей эры. У нас есть лишь отдельные свидетельства, чтобы пронаблюдать эту трансформацию, которая должна была происходить довольно медленно.

Первые признаки муниципализации в Афинах

Первые признаки этого явления парадоксальным образом проявляются в Афинах во второй половине II века до нашей эры. Я говорю «парадоксальным образом», потому что город Афины начал сравнительно поздно в сравнении с другими греческими городами заниматься образованием своего юношества, а скорее юношей, принадлежащих к высшему обществу. Но с момента, когда в середине II века до нашей эры официальный институт афинской эфебии начинает давать образование мальчикам с 18 до 19 лет — то есть сразу речь идет о высшем образовании — он почти сразу же вводит в программу уроки философов, которые взамен должны были получать заработную плату или некое вознаграждение либо от города, либо от эфебов через посредство города. У нас есть много афинских надписей, охватывающих около столетия, в которых упоминается предложенная программа. Первая надпись, касающаяся эфебов 122/121 года до нашей эры, сообщает нам, что они выполнили, как следовало, свои религиозные обязательства, посещали занятия, предписанные народом (*τὰ ὑπὸ τοῦ δήμου προστεταγμένα μαθήματα*), и что они прилежно посещали в течение всего года уроки Зенодота, которые он давал в Ликее и Птоломейоне, и занятия других философов в Ликее и Академии⁷. А их космет удостоился похвалы, так как заботился обо всем, относящемся к их воспитанию (*παιδεία*) и в течение всего года даже лично присутствовал на занятиях эфебов у философов. Присутствуя на занятиях Зенодота, он еще и удовлетворял их потребность в книгах (*ὁμοίως δὲ καὶ τῆς ἐν τοῖς γραμμασίν [αὐ]τῶν ὠ[φελίας ἐφορῶ]τις σχολάζων Ζηνοδοῦ[ότωι...]*)⁸. Сходный декрет, изданный также Советом (*βουλή*) и народом (*δῆμος*), относящийся к 100/99 году, говорит только, что эфебы в течение всего года ходили на занятия философов⁹. То же сообщение появляется в декрете 95 или 94 года до нашей эры¹⁰, и еще в другом, несколькими годами позже¹¹, в то время как более поздняя, к 83 году, надпись^{11a} отмечает только, что эфебы присутствовали на занятиях философов. Надпись, относящаяся примерно к 41/40 году, наоборот, сообщает о занятиях философов, риторов и грамматиков¹², и другая надпись 39/38 года еще раз называет эти три предмета¹³. Таким образом, город Афины к концу эллинистической эпохи организовал высшее образование, — правда, очень непродолжительное — по трем предметам: грамматике (то есть интерпретации греческой литературы), риторике и философии, что предполагает наличие некоторого вознаграждения для разных преподавателей от города.

Марсель

Мы, конечно, не можем рассчитывать повсюду на пристрастие к философии, сравнимое с тем, что мы находим в Афинах, но в том, что касается грамматики и риторики, Страбон дает нам интересное свидетельство о галльских городах римской Провинции во

времена августа или Тиберия¹⁴. Говоря о Марселе (*Massilia*), он рассказывает, что этот греческий город на галльской территории, населенный гражданами, увлеченными философией и риторикой, сначала играл роль центра греческой культуры для близлежащей Галлии, и ему удалось сделать из галлов эллинофилов, так что они приобрели привычку составлять контракты на греческом языке, и во времена самого Страбона римляне, принадлежащие к самой верхушке знати, приезжали теперь в Марсель, чтобы усовершенствовать свое образование, вместо того чтобы отправляться в Афины. И влияние Марселя было столь велико, что ему удалось заразить галлов своими пристрастиями и склонить некоторые галльские города к приглашению софистов, естественно, греческих, и врачей за счет города или каких-нибудь меценатов. Речь, возможно, больше не шла о том, чтобы их переизбирать каждый год, как чаще всего делали в эллинистическую эпоху в отношении учителей в гимназиях и общественных врачей, но о том, чтобы гарантировать им спокойное существование, дав возможность пользоваться длительными привилегиями, вдобавок к заработной плате.

Отен

Можно предположить, что так же обстояли дела в другом культурном центре Галлии — Отене (*Augustodunum*). В «Анналах» 33 г. ¹⁵ Тацит упоминает этот город как столицу эдуев, где благородное галльское юношество получало свое образование. Вплоть до конца III века и, возможно, еще некоторое время позже этот город блистал, за исключением краткого перерыва в результате его разграбления в 269 г., качеством своего риторического образования, как о том свидетельствует речь за восстановление городских школ, которую произнес в Отене в 298 г. ритор Эвмен. Слава этого города была такова, что дед Эвмена, грек по происхождению, выбрал Отен, чтобы там осуществить свое риторическое призвание. Эвмен говорит о нем¹⁶: «Именно там (то есть в знаменитых зданиях Мениевых (*Maeniana*) школ Отена) когда-то преподавал мой предок: родившийся в Афинах и долго знаменитый в Риме, он в конце концов задержался в этом городе, где он обнаружил и высоко оценил вкус его жителей к образованию и почтение, которым они окружают эту школу». Дед, должно быть, обосновался в Отене приблизительно между 210 и 230 годами, и очень возможно, что он преподавал там риторику и греческую грамматику. Нельзя сомневаться в том, что в III веке нашей эры Эвмен и его дед получали от города жалованье как учителя риторики: что касается его самого, Эвмен намекает на это, ¹⁷ — но Тацит ничего не говорит о формах оплаты учителей в Отене в эпоху Тиберия. Мы можем только предполагать, что их тоже оплачивал город, по примеру Марселя и близлежащих галльских городов.

Другие примеры

В общем, мы можем установить, что в конце I века нашей эры многие города в Италии в течение долгого времени приглашали учителей, выплачивая им жалованье. Плиний Младший рассказывает в письме, написанном в эпоху правления Траяна (98–117 гг.) и адресованном его другу Тациту, знаменитому историку, как он узнал, отправившись в Комо, свой родной город, расположенный на севере Италии на берегу озера Комо, что молодые люди этого города должны были уезжать, например, в Милан, чтобы иметь возможность получить образование¹⁸. «Получить образование» означает, согласно социально-историческому комментарию к «Письмам» Плиния Младшего А. Н. Шервин-Уайта¹⁹, изучать риторику. Юноша, который рассказывает Плинию, что учится в Милане, — еще *praetextatus*, то есть ему не более шестнадцати лет. Плиний сразу же берется за то, чтобы нанять для своего родного города учителей (*praeceptores*), предоставляя лично часть необходимой суммы для этой цели: «Я бы дал всю сумму, — пишет он, — если бы не боялся, что рано или поздно это начинание будет испорчено приглашениями по знакомству, как — я вижу — происходит во многих местах, где учителя нанимаются городом»²⁰. Он предполагает участие еще и других людей в финансировании, чтобы в отношении выбора преподавателя был обеспечен более строгий надзор. Точнее, Плинию хочется, чтобы была создана не муниципальная, а частная риторическая школа. Во всяком случае важно то, что Плиний знает много городов, где существовали муниципальные школы с преподавателями на государственном жаловании. И это относится не только к Италии, но и равным образом к

Галлии и Британнии. Поэт Ювенал, современник Тацита и Плиния Младшего, утверждает в своей 15-й сатире²¹:

Греков Афины и наши доступны теперь всем народам,
Галлия стала речистой и учит юристов британских,
Даже на Фуле идут разговоры о ритора найме¹.

Даже если сказочная местность Фула имеет намерение нанять себе ритора, как в шутку говорит Ювенал, то очевидно, что риторика победоносно вошла во все самые дальние уголки Римской Империи. Но речь по-прежнему идет только о риторике и, конечно, грамматике на двух языках; говорят только об этих двух учебных предметах. А в Риме Веспасиан в 73 году выделил греческим риторам и медикам годовое жалованье в 100. 000 сестерциев, выплачиваемое из государственной казны²³. Первым из латинских риторов на государственной дотации был Квинтилиан²⁴. Неизвестно число этих казенных кафедр, но очевидно, что, кроме этих учителей государственных школ, было еще множество из частных риторических, кое-как сводивших концы с концами, о чем свидетельствуют три письма Плиния Младшего и седьмая сатира Ювенала²⁵.

Императорское законодательство о педагогах и врачах

Мы уже дважды могли отметить, — в тексте Страбона о Марселе и теперь по поводу города Рима, — что одни и те же меры применялись одинаковым образом к риторам и врачам. Мы увидим, что в общем врачи, с одной стороны, и софисты, грамматик, философы — с другой, пользовались аналогичным статусом в муниципальном и императорском законодательстве. Мы обнаруживаем первый след императорского законодательства в пользу врачей и учителей в эдикте императора Веспасиана, который предоставил им привилегии. Мы вернемся к этому вопросу немного позже²⁶. Но уже задолго до Веспасиана равенство между врачами и учителями стало свершившимся фактом. Светоний²⁷ нам сообщает, что Юлий Цезарь даровал римское гражданство всем, кто занимался медициной или учил свободным искусствам (*liberalium artium doctores*) в Риме, чтобы побудить их жить в Городе и чтобы другие возжелали это сделать. Кем же были эти врачи и эти *liberalium artium doctores*, пришедшие из других земель во времена Цезаря? Большая часть врачей, практиковавших в Риме, были греками. Известно, например, что Катон Цензор испытывал неприязнь к греческой культуре в целом и к греческим врачам Рима в частности. Плутарх рассказывает в «Жизнеописании Катона», что тот якобы по их поводу предостерегал своего сына М. Порция Катона Лициниана²⁸. Что касается учителей свободных искусств (*liberalium artium doctores*), то они тоже были греками, потому что именно греческие грамматик, ритори и философы, частично, правда, военнопленные, заполняют тогда в большом количестве особенно Рим, но также и города Италии. Как мы можем узнать из сочинения Светония, озаглавленного «О грамматиках и риториках», еще во времена Цезаря было даже по латинскому языку только очень небольшое число учителей римского или итальянского происхождения в двух областях — грамматик и риторик²⁹. Очень вероятно, что словосочетание *liberalium artium doctores* охватывает только три группы учителей, преподающих грамматик, риторику и философию; потому что юриспруденция, например, упомянутая Цицероном среди свободных искусств³⁰, не преподавалась иностранцами; ей обучали римляне из сенаторов, причем не читая лекции, а в связи с исполнением ими своих обязанностей³¹. Начиная с Цицерона и позднее риторическое образование было необходимо вдобавок и юристам. Мы читаем также у Светония, что император Август изгнал из Рима в связи со страшным голодом всех иностранцев, кроме врачей и учителей, *praeceptores*³², — название, которое следует относить по-прежнему все к той же категории лиц.

Ульпиан, современник Каракаллы, который в начале III в. нашей эры написал юридические комментарии и чьи сочинения занимают примерно треть от всех выдержек, составляющих «Дигесты», объясняет следующим образом то, что врачи и учителя встречаются в юридических документах вместе: «Дело врачей то же, что и дело учителей (*professores*)³³, если не еще более правое, потому что первые защищают дело здоровья людей,

¹ Пер. Д. Недовича и Ф. Петровского. Сб. Римская сатира, М., 1989.

а вторые — дело их обучения»³⁴. Видно, что сам Ульпиан слегка отдает предпочтение делу врачей, но законодательство этого не учитывает³⁵. Учителя, о которых говорит Ульпиан, — это учителя грамматики, риторики и геометры, — под геометром же следует понимать не преподавателя геометрии, а землемера, обучающего искусству мерить землю, — искусству, которое имело некогда юридический аспект. Но в этом перечислении Ульпиан не говорит о философах. И если он сомневается в том, что философов следует считать в числе учителей, то это по юридическим и этическим мотивам и в определенном контексте. Текст, из которого мы взяли цитату, говорит о профессиональных группах, которым *praeses provinciae* обязан разрешать тяжбы, касающиеся жалования, а поскольку философы, коль скоро они философы, сами себе обязаны полным пренебрежением к денежным вопросам, *praeses provinciae* не обязан заниматься их тяжбами³⁶. Это касается и учителей также гражданского права по аналогичным причинам³⁷. Итак, Ульпиан упоминает пять категорий учителей: грамматиков, риторов, философов, геометров и юристов; две последние были профессиями, которые возросли на римской почве³⁸, — римляне занимались ими с давнего времени, — и для которых преподавание права и межевого дела составляло лишь малую часть их профессиональной жизни, в то время как три первые, так же, как и категория врачей, представляли профессии, пришедшие из Греции и практиковавшиеся почти исключительно в эллинистическую эпоху и в начале эпохи Империи выходцами из стран, где говорили по-гречески.

Перейдем теперь к надписи, содержащей эдикт Веспасиана (69–79) на греческом языке с рескриптом Домициана на латинском, — надписи, к сожалению, сильно испорченной, которая была издана Р. Герцогом³⁹. Эдикт Веспасиана датирован 27 декабря 74 года нашей эры, и то, что от него осталось, позволяет нам увидеть, что он наделил привилегиями врачей и учителей (*praecceptores*): они были освобождены от денежных податей, от обязанностей предоставлять приют (постоя); им была гарантирована защита от *iniuria* и корпоративное право, но последнее касалось, пожалуй, только врачей. Надпись была найдена в Пергаме и тем самым предназначалась для провинции Азии, но можно полагать, что подобные эдикты были разосланы во все императорские провинции и что сенатские провинции сообразовались с тем же законодательством.

Возможно, к этому же эдикту относится фрагмент комментария юриста Аркадия Харизия, — фрагмент, входящий в «Дигесты»⁴⁰. Аркадий говорит нам, что императоры Веспасиан и Адриан предоставили учителям (*magistris*), грамматикам, риторам, врачам и философам освобождение от обязанностей постоя, — привилегию, которая добавлялась еще к освобождению от всех общественных повинностей (*munera civilia seu publica*)⁴¹. В эдикте Веспасиана речь идет только о привилегиях, предоставляемых врачам и учителям, а не об их жаловании. Но если судить об этом по тому, что Страбон говорил о галльских городах вокруг Марселя во времена Тиберия, и на основании письма Плиния Младшего, о котором мы говорили⁴², мы можем прийти к выводу, что в первом веке нашей эры некоторые врачи и учителя получали государственное жалование во многих городах Римской Империи.

Император Тит (79–81) ратифицировал эдиктом все постановления своего отца, как утверждает Светоний⁴³. О Домициане Светоний сообщает, что он оставил без внимания «свободные искусства с самого начала своего принципата, хотя он позаботился о восстановлении пострадавших от пожара библиотек, вложив в них большие деньги, повелев разыскать по всей империи экземпляры утерянных сочинений и специально отправив в Александрию людей для переписывания и исправления текстов»⁴⁴. Поскольку большая александрийская библиотека, основанная Птоломеем Филадельфом, была разрушена во время войны с Цезарем, экземпляры, о которых идет речь, принадлежали, конечно, пергамской библиотеке, которую Антоний перенес в Александрию и подарил Клеопатре. Домициан отличился еще тем, что изгнал из Рима и из Италии⁴⁵ всех философов, что не помешало ему одарить других философов весьма существенными подарками. Он распорядился, например, купить для философа Флавия Архиппа, живущего в Прусе, имение примерно в 100.000 сестерциев, доход с которого позволил тому содержать семью. Об этой подробности нам сообщает Плиний Младший⁴⁶; то же самое письмо содержит и другую

интересную деталь, что тот же самый философ использовал свое право *ἀτέλεια*², отказавшись исполнить обязанности судьи⁴⁷. Это подтверждает, что привилегии, пожалованные Веспасианом врачам и учителям, продолжали иметь силу и при преемниках Веспасиана во главе Империи, в данном случае при Траяне. Что касается последнего (98–117), то Плиний Младший хвалит в своем «Панегирике»⁴⁸ его доброе отношение к риторам и философам, которое, конечно, контрастировало с враждебностью Домициана, но вовсе не означало непременно новых законодательных мер в их пользу. Во всяком случае, юридические тексты не упоминают Траяна в этой связи. Но мы узнаем от Диона Кассия, что он основал Ульпиеву библиотеку в Риме⁴⁹.

Адриан (117–138), как мы видели из комментария Аркадия Харизия в «Дигестах»⁵⁰, подтвердил привилегии, которыми пользовались врачи и учителя. Он имел большую склонность к поэзии и литературе, как сообщает о нем *Historia Augusta*⁵¹³; согласно тому же источнику у него были солидные познания в арифметике, геометрии и живописи, он любил петь и играть на кифаре. Немного далее упомянуты его осведомленность в астрономии, но ничего не сказано об учителях, у которых он учился. Небесполезно, однако, напомнить, что его геометрические познания не обязательно были получены им от геометра. Мы видели выше⁵², что философы-платоники снова проявили интерес к математическим наукам, по крайней мере с начала II в. нашей эры, так что четыре математических дисциплины нашли свое место в платоническом философском образовании. Перипатетики и стоики тоже проявляли интерес к некоторым из этих предметов, во всяком случае к астрономии⁵³. Но все эти указания на образованность Адриана, возможно, не следует понимать буквально, по причине общей тенденции *Historia Augusta*, о которой мы поговорим чуть позже; по поводу образования римского императора там есть стремление дать картину, соответствующую языческим и неоплатоническим идеалам. Вернемся теперь к Адриану и продолжим чтение *Historia Augusta*, твердо зная, что нельзя слишком полагаться на все приводимые там детали. Хотя он обладал явной склонностью к составлению речей и писанию стихов, — говорит нам автор⁵⁵, — и был очень искусен во всех этих делах, он любил тем не менее высмеивать и унижать учителей этих предметов, как если бы он был более сведущим, чем они. И он часто соперничал с этими же учителями и философами, обмениваясь книгами и стихами. Однажды он сделал внушение известному философу-платонику и ритору Фаворину по поводу употребления одного слова — мы показали в предшествующей главе, что платоническая философия, начиная с Филона из Лариссы, считала обучение красноречию необходимым, — и Фаворин уступил. Друзья Фаворина упрекнули его, что он не защищался, хотя и был прав. Тогда Фаворин им сказал: «Вы не правы, друзья, в том, что не хотите, чтобы я признал абсолютное научное превосходство человека, который располагает тридцатью легионами»⁵⁶. Но хотя он с легкостью делал замечания музыкантам, трагикам, комикам, а также грамматикам, риторам и софистам, он тем не менее почтил всех учителей и сделал их богатыми, за то что он постоянно одолевал их своими вопросами⁵⁷. Он был в дружеских отношениях с Эпиктетом и Гелиодором и, чтобы не называть всех поименно, говорит *Historia Augusta*⁵⁸, с грамматиками, риторам, музыкантами, астрономами и особенно, как многие утверждают, с Фаворином, которого он всем предпочитал. Он уволил учителей, которые не вполне справлялись со своими обязанностями, после того как обогатил и почтил их.

---

² *ἀτέλεια* (лат. *immunitas*) — свобода от податей, от военной службы и вообще от какой-либо обязанности (прим. ред.).

³ Это название дал Исаак Касаубон опубликованному им в 1603 г. сборнику из биографий тридцати императоров от Адриана до Нумериана. В традиции отдельные жизнеописания приписаны Элию Спартиану, Юлию Капитолину, Вулканию Галликану, Элию Лампридию, Требеллию Поллиону и Флавию Вописку. Теперь общепринята версия, что весь корпус является позднеантичной фальсификацией, принадлежащей перу одного автора, точное время жизни которого установить чрезвычайно затруднительно (обычно предполагают IV—V вв., иногда — VI; все произведение представляет собой пеструю смесь самого беззастенчивого вымысла и ценных подробностей, которые зачастую не содержатся ни в одном другом источнике. На русском языке перевод издан в 1991 г. (М., «Наука») под заглавием «Власталины Рима». — Прим. ред.

Мы узнаем из этого описания некоторые интересные подробности: во-первых, Адриан обладал общей культурой, необычайно широкой не только относительно его времени, но и в отношении обычного образования в эллинистическую эпоху. Это похоже на правду, даже если нет уверенности в том, что все детали соответствуют исторической истине. Во-вторых, Адриан свободно нанимал и увольнял учителей по своему усмотрению, и он это осуществлял не только в Риме, где кафедры греческой и латинской риторики оплачивались из императорской казны, но и по всей Империи, по которой он много путешествовал, редко живя в столице. Создается впечатление, что он занимался вопросами общественного образования везде, где останавливался. Во всяком случае его мать Плотина сочла необходимым отправить ему письмо с просьбой предоставить Попилию Теотиму, главе эпикурейской школы в Афинах, и всем, кто его сменит на этом месте, право выбора преемника, даже из числа иностранцев, и составления завещания на греческом языке и в греческих традициях. Адриан ответил ей утвердительно письмом 121 года, высеченным на камне⁵⁹ и содержащим просьбу Плотины и полученную резолюцию. Филострат в «Жизнеописаниях софистов» дает нам много примеров щедрости Адриана по отношению к некоторым софистам⁶⁰; много примеров и у Афиня в «Пирующих софистах»⁶¹. В Риме Адриан построил Атенеум, здание в форме театра, где могли выступать греческие поэты и софисты⁶² и где обучали греческой грамматике и риторике⁶³. *Schola Fori Traiani* также была им предназначена для обучения грамматике и риторике.

Постановления Антонина Пия

Вопросы, касающиеся привилегий врачей и учителей, детально разрабатывал Антонин Пий, преемник Адриана. Фрагмент из второй книги юриста Модестина⁶⁴, озаглавленной «Об освобождениях», свидетельствует, что Антонин Пий адресовал письмо властям провинции Азии, но инструкции, в нем содержащиеся, в действительности относились ко всему римскому миру. Модестин цитирует нам из него следующую главу.

«Маленькие города могут иметь пять врачей, пользующихся привилегиями, трех софистов и такое же число грамматиков. Более крупные города могут иметь семь человек лечащих, четырех софистов, четырех обучающих словесности на двух языках, очень большие города могут иметь даже десять врачей и пять раторов и то же число грамматиков. Даже самый большой город не может предоставить льготы (*ἀτέλεια, immunitas*) за пределами этого числа».

Модестин так комментирует этот текст.

«Ясно, что большие города — метрополии провинций, средние — те, где велись судебные разбирательства^{64а}, и самые маленькие — все остальные. Превышать это число не разрешается ни на основании декрета декурионов, ни каким-либо другим способом, но его можно уменьшить, потому что ясно, что, делая это, облегчают общественные повинности. И, наконец, получить такую привилегию могут только лица, включенные в установленное число декретом декурионов, и при условии, что они не будут пренебрегать своими обязанностями».

До этого места речь не шла о философам, но Модестин сразу же касается этого вопроса.

«Та же рекомендация Антонина Пия говорит о философам следующее: “Мы не назначили число философов, так как люди, занимающиеся философией, немногочисленны. И я думаю, что те из них, у которых богатство плещет через край, охотно окажут родному городу содействие из их собственного состояния, потому что, если они трясутся над своим личным богатством, то этот факт обнаруживает, что они не философы”. Но есть в установлениях императора Коммода отрывок из письма Антонина Пия, из которого становится ясно, что философы тоже находились под опекой. Текст следующий: “Так же, как его предшественник, мой божественный отец (речь идет об Адриане), как только начал править, подтвердил эдиктом уже существующие почести и привилегии, написав, что философы, риторы, грамматик и врачи были освобождены от повинностей: управлять гимназией, надзирать за рынками, от жреческих обязанностей, от постоя, от забот по обеспечению города пшеницей и маслом; они не обязаны судить, не могут ни быть отправлены в качестве послов, ни против их воли записаны в армию, не могут быть принуждены выполнять какую-либо обязанность в провинции, ни любую иную”. Но следует

также знать, — продолжает Модестин, — что каждый пользуется этой привилегией, леча и учительствуя в своем собственном городе. Но если уроженец Команы преподает риторику или лечит в Неокесарии, у него нет привилегий в Комане. Это было установлено божественными Северами (то есть Септимием Севером, Каракаллой, Гелиогабалом и Александром Севером) и Антонином».

Эти постановления Антонина Пия некоторые, как, например, Ф. Эртель и Г. В. Бауэрсокк⁶⁵, рассматривают как ограничительную меру, касающуюся привилегий врачей и учителей, по сравнению с привилегиями, предоставленными его предшественниками; в то время как до Антонина Пия не существовало никакой регламентации, а что касается числа врачей и учителей, которое мог пригласить город, Антонин Пий, по-видимому, ввел *numerus clausus*⁴, чтобы прийти на помощь городским финансам, уменьшив число лиц, пользующихся правом быть на муниципальном жаловании. Я не знаю, дает ли нам право на такой вывод та скудная информация, которой мы располагаем о законодательстве, существовавшем до Антонина Пия. Особенно жаль, что у нас есть лишь обрывки письма Антонина, и мы даже не можем быть уверены, что все эти фрагменты, объединенные в комментариях Модестина, относятся к одному и тому же письму. Но благодаря этому тексту мы видим, что в каждом городе Римской Империи существовала группа служащих, учителей и врачей, но количество членов этой группы не было неизменным: если они плохо справлялись со своими обязанностями, они могли быть уволены. Мы видим также, что та же регламентация, касающаяся врачей и учителей, сохраняла свою силу и при Северах, то есть по крайней мере вплоть до 235 года.

Однако есть в этом тексте отрывок, который трудно интерпретировать. Антонин Пий пишет, что он не указывает число философов-служащих, так как их вообще мало. У меня лично не создалось впечатления, при чтении литературных текстов, и в том числе сочинений Лукиана, чтобы философы вплоть до времени Адриана и Антонина были редкостью⁶⁶, хотя они, конечно, были гораздо менее многочисленны, чем риторы и грамматик. Но, возможно, Антонин имеет в виду только тех философов, которые одновременно не являются риторами и которые зарабатывают на жизнь только с помощью преподавания философии. Мы знаем, что среди платоников некоторое число философов одновременно были риторами или софистами. Это было логическим следствием ориентации, которую приняла платоническая философия начиная с Филона из Лариссы⁶⁷. Эти философы-софисты, о многих из которых нам сообщает Филострат в «Жизнеописаниях софистов» и из которых самый известный — Фаворин⁶⁸, возможно, нередко зарабатывали на жизнь дополнительным преподаванием риторики, если у них не было состояния, которое бы сделало их независимыми, как это было со многими. Мы также знаем философов, как, например, перипатетики Аммоний и Птолемей в III в. нашей эры⁶⁹, которые одновременно были и учителями грамматик. В III в. есть еще другой замечательный пример. Это философ-платоник Лонгин, который в свое время был особенно известен как грамматик и у которого Порфирий занимался филологией⁷⁰. Для IV в. у нас есть свидетельство папируса⁷¹, который содержит надгробное слово в стихах, составленное грамматиком из Бейрута в честь софиста этого города. Мы узнаем, что этот софист был известен как благодаря достоинствам его аттического стиля, так и благодаря глубокому знанию платоновской философии⁷². В первой половине II века нашей эры грамматик Александр, учитель Элия Аристиды и, позднее, уже в Риме, Марка Аврелия и Вера, читал лекции не только по Гомеру и лирическим поэтам (Архилоху, Гесиоду, Симониду, Стесихору, Пиндару, Сафо, Алкею), но также и по Платону, как утверждает Аристид^{72a}. Это благодаря его преподаванию его ученик Аристид «показывает, как он замечательно знаком с Пиндаром и Платоном»^{72b}. Еще один пример. Либаний, один из великих софистов IV в. нашей эры, дает понять по поводу своего современника философа Фемистия, что тот так же хорошо преподавал риторику, как и философию, если принять интерпретацию, которую обычно дают одному письму, адресованному Фемистию⁷³. Так что, возможно, философы как таковые были действительно редки. Однако равным образом возможно, что слова Антонина Пия касательно малого числа философов относятся только к философам, приглашенным и оплачиваемым городом. Города, желающие предоставить кафедру философу, должны были быть, действительно,

---

⁴ *Ограниченное число* (лат.). — Прим. ред.

редки, и, может быть, император с целью компенсации лично решал вопрос, чтобы выделить жалование некоторым из них. *Historia Augusta* сообщает, что Антонин Пий во всех провинциях раздавал почести и жалования риторам и философам⁷⁴. Это могло происходить двояким образом: либо император назначал уплату жалования из своей собственной казны, либо он обязывал власти городов пригласить того или иного философа. Этот последний способ должен был применяться достаточно часто и в случае с софистами, так как мы уже видели, что Адриан назначал и увольнял учителей по своему усмотрению, и мы узнаем из речи Эвмена, произнесенной в Отене в 298 году, что цезарь Констанций лично избрал его преподавать риторику в Отене и быть директором Мениевых школ, назначив сумму жалования, которую город должен был ему платить⁷⁵. Татиан, христианский апологет конца II века, утверждает в своей «Речи против эллинов»⁷⁶, что некоторые философы его времени получали от императора годовое жалование в 600 *aurei*⁵. Если Татиан не преувеличил размер этого жалования, то речь не может идти о заработной плате занимающим императорские кафедры, основанные Марком Аврелием в Афинах, так как она была значительно ниже⁷⁷. Кроме того, «Речь против эллинов», по-видимому, была написана ранее основанием этих кафедр: Христ-Шмидт-Штелин⁷⁸ и Эме Пюш⁷⁹ датируют ее приблизительно до 173 г., в то время как по поводу императорских философских кафедр сложилось общее мнение, что они были основаны в Афинах в 176 г. или позже. Наконец, в самом общем виде можно судить обо всей сумме жалования, выплачиваемого городами, и о привилегиях, предоставленных императором, на основании писем Либания. Как показывает П. Пети⁸⁰, Либаний, ритор IV века, вдобавок к своему муниципальному жалованию и гонорару, выплачиваемому учениками, имел императорское вознаграждение (*σῆτος, τροφή*) в виде продовольствия и денег.

Мы попытались проследить едва уловимые этапы, которые в императорскую эпоху ведут к некоторому превращению профессии учителя в нечто вроде чиновничьей должности. Это вытекает из того, что города начинают приглашать — на разных условиях — учителей, то есть грамматиков, риториков и философов. Мне кажется очевидным, что наиболее распространенный тип общей культуры соответствовал образованию, которое средним городам (среднего размера) удавалось дать своей молодежи⁸¹, приглашая учителей; эта общая культура, таким образом, основывалась почти исключительно на литературных и риторических занятиях, к которым в лучшем случае иногда прибавлялись в той или иной степени углубленные занятия философией.

3. Уточнения к проблеме привилегий и социального положения учителей

Мы проследили законодательство, касающееся учителей, вплоть до Антонина Пия, и мы смогли установить, что юридические тексты упоминают лишь три рода учителей: грамматиков, риториков и философов⁸². В этой связи мы упомянули эдикт Веспасиана, датированный, как было сказано, 27 декабря 74 года. Речь идет о надписи, найденной в Пергаме, фрагментарное состояние которой только и позволяет нам увидеть, что император пожаловал привилегии врачам и учителям. Правда, в самом эдикте не уточняется, о каких именно учителях идет речь, но лично я готова предположить, на основании уже приведенных доводов и тех, к которым я обращусь далее, что Веспасиан включал философов в число учителей. Г. В. Бауэрсокк, напротив, в своей блестящей небольшой книге под названием *Greek Sophists in the Roman Empire*⁸³, приходит к выводу, противоположному моему. Он пишет: «По прочтении надписи из Пергама становится ясно, что среди учителей, которые пользовались льготами, философы не учитывались, и в их пользу не было специальных распоряжений, ожидать которых от императора, изгнавшего философов из Рима, было бы, впрочем, странным». Единственное, что можно сказать, — что обсуждаемый эдикт ничего не делает «ясным» по этому вопросу, так как в нем говорится только о *παιδευταί*, или в латинском рескрипте Домициана, который следует эдикту, — о *praeceptores*. С другой стороны, последний довод также неубедителен. Если Веспасиан и был вынужден изгнать и

⁵ *Aureus* — золотой денарий, = 100 сестерциев. — Прим. ред.

даже осудить некоторых приверженцев стоической и кинической философии, то это объяснялось очевидными политическими мотивами и происходило в определенных обстоятельствах (в 73 году), имевших местное значение: речь шла о сенатской оппозиции. Эти меры не заключали в себе непременно общего враждебного отношения ко всякому философу, особенно в провинциях, тем более со стороны императора, которого мы восхваляем за его терпимость. Даже такой император, как Домициан, который имел репутацию тирана и который в известное время изгнал философов не только из Рима, но и из всей Италии, мог — и мы это видели⁸⁴ — благосклонно относиться к некоторым философам. Могло, однако, произойти и противоположное: такой император, как Адриан, известный своим добрым отношением к представителям культуры в любой форме, мог в течение какого-то времени отрицательно относиться к некоторым философам, как, например, к Фаворину, которого он на некоторый срок отправил в ссылку. Что бы там ни было, существует текст, который позволяет, как мне кажется, утверждать, что эдикт Веспасиана равным образом касался и философов. Это комментарий юриста Харизия, касающийся не самого эдикта, а некоторых императорских рескриптов, появление которых он обусловил, — комментарий, о котором мы уже говорили выше⁸⁵. Рассматриваемый текст находится в «однотомной» книге Харизия под названием «О гражданских повинностях»⁸⁶: «Все повинности, которые мы разделили на три части, имеют одно общее название; так как личные обязанности, касающиеся имущества, и смешанные обязанности называются повинностями гражданскими, или общественными. Но в случае, если кто-либо получает освобождение от гражданских повинностей (то есть от совокупности трех видов повинностей, особо перечисленных), он не может — за исключением солдат и ветеранов — быть освобожден ни от забот о продовольствии (*annona*), ни от обязательств поставки повозок, лошадей, ни от постоя, ни от корабельных обязанностей, ни от подушного налога. Тем из учителей, которые освобождены от гражданских повинностей, а также грамматикам, риторам и философам, освобождение от постоя было пожаловано императорами. О чем именно говорят и божественный Веспасиан и божественный Адриан в своих рескриптах».

Итак, видно, что освобождение от постоя могло прибавляться к освобождению от общественных повинностей, но не было в него включено⁸⁷. По поводу последней фразы Г. В. Бауэрсокк напоминает мнение Р. Герцога⁸⁸, который считал, что это указание неточное. Харизий говорит о рескриптах, в то время как, по мнению Р. Герцога, речь могла идти только об эдиктах, иначе говоря, Р. Герцог убежден, как и Г. В. Бауэрсокк, что Харизий мог ссылаться только на эдикт Веспасиана 74 года и на эдикт Адриана, о котором говорит Антонин Пий в вышеупомянутом письме⁸⁹, адресованном властям провинции Азии. Г. В. Бауэрсокк и Р. Герцог приходят таким образом к выводу, что — на том основании, что Харизий, как представляется, путает эдикты с рескриптами и вдобавок ошибочно упоминает в этой связи Веспасиана, — только начиная с Адриана философы получили привилегии, аналогичные таковым же своих коллег, грамматиков и ритором. Но ничто не препятствует тому, чтобы о постое шла речь равным образом и, может быть, в более общем плане, и в рескриптах. К этому предположению я склоняюсь на основании того факта, что в рескриптах, о которых говорит Харизий, речь также идет, и совершенно явственно, о *magistri ludorum*, которые не упомянуты в двух эдиктах, о которых говорит Р. Герцог. Он не обратил внимания на эту подробность, поскольку вместо подлинного текста знал лишь чтение, основанное на конъектуре: «Magistris, qui civilium munerum vacationem habent, id est grammaticis et oratoribus...»^{89a}. В этом чтении «*magistri*» идентичны грамматикам, риторам и философам. Эта формулировка вполне могла создать ощущение неточности, которое испытал Герцог относительно этого текста. Ведь в общем-то невозможно отождествить *magistri ludorum* с грамматиками, риторам и философами. Последняя группа учительствующих обычно обозначается в юридических текстах терминами *professores, praeceptores, doctores qui profitentur*, и т. д., но никогда — *magistri*. Более того, их юридический и социальный статус совершенно иной. От юриста Ульпиана мы узнаем следующую деталь.

«Те, кто обучает детей грамоте (то есть элементарным знаниям) не освобождены от гражданских повинностей: но остается на совести начальства, чтобы с кого-либо из этих людей не востребовали больше, чем им по силам, учат ли наставники грамоте в городах, или в деревнях»⁹⁰.

Текст Ульпиана дает понять, что учителя начальной школы пользовались освобождением от гражданских повинностей только в виде исключения. Ульпиан, кажется, написал свой юридический труд во времена Каракаллы. Даже если усомниться в подлинности трактата *Opiniones*⁹¹, откуда взят приведенный текст, факт, в нем отмеченный, безусловно имел место, потому что у нас нет ни одного эдикта или императорского рескрипта, в котором бы предполагалась совокупность всех льгот для учителей начальной школы. Впрочем, другой текст Ульпиана, подлинность которого сомнению не подлежит, содержит приблизительно то же самое⁹². Два рескрипта, о которых говорит Харизий, могли таким образом рассматривать вопрос об освобождении от постоя, включая среди прочих всех учителей; и они уточняют, что грамматики, риторы и философы, которые в любом случае были освобождены от гражданских повинностей, но также и те из учителей начальной школы, которым было пожаловано в виде исключительной льготы освобождение от гражданских повинностей, были также освобождены и от постоя. Другой текст позволяет нам доказать, что Адриан не был первым, кто в общем и целом благоприятствовал философам. Этот текст — письмо X, 58 Плиния Младшего, адресованное императору Траяну и уже цитированное выше⁹³. В нем идет речь о философе Флавии Архиппе, который просил освободить его от исполнения обязанностей присяжного, «поскольку он философ»⁹⁴. Функции присяжного входили в гражданские обязанности. Из продолжения письма становится ясно, что исполнение просьбы не составило бы никакого труда, если бы он не был когда-то давно приговорен к работе на рудниках за подлог; однако ему удалось бегством спастись от наказания. По поводу просьбы Архиппа часть его сограждан выступила против него, требуя, чтобы наконец он отбыл наказание, от которого спасся бегством. Тяжба таким образом касается не просьбы Флавия Архиппа, просьбы, на которую Плинию нечего возразить, а отмены давнишнего приговора за подлог. И если Флавий Архипп смог обратиться с такой просьбой, опираясь лишь на то, что он философ, то это показывает, что законы, освобождающие философов от гражданских повинностей, действовали по меньшей мере с правления Траяна. Г. В. Бауэрсокк знаком с этим письмом Плиния Младшего, но приводит его, к моему великому изумлению, как доказательство, «that there was no general immunity for philosophers at that time»⁶. Я не понимаю, как Г. В. Бауэрсокк мог прийти к этому утверждению, тем более что он читал⁹⁵ комментарий А. Н. Шервин-Уайта, который приходит к такому же выводу, что и я⁹⁶.

С другой стороны, в главе, которую он посвящает особым привилегиям, пожалованным софистам, дал понять, что льготы существовали лишь в теории. Правда, книга Г. В. Бауэрсокка, несмотря на достаточно широкое название *Greek Sophists in the Roman Empire*, посвящена только софистам II века нашей эры, — века, который принес наибольшую славу и процветание этой профессии и когда многие софисты действительно щедро оплачивались за счет городов. Но ситуация должна была ухудшаться все больше и больше, даже для очень известных софистов III и IV веков: мы знаем достаточно подробно жизнь одного из софистов IV века — я имею в виду Либания, — чтобы заключить, что, по меньшей мере в эту эпоху, в связи с упадком привилегии имели совершенно реальное, а не только почетное значение. Но даже если хочешь говорить только о материальном положении софистов III века, я думаю, было бы ошибкой ссылаться исключительно на биографии софистов, собранные в сочинении Филострата, которые, как жизнеописание Евнапия, описывают только блестящую элиту общества софистов, их «звезд», и вдобавок с явными целями языческой пропаганды. Я думаю, что рядом с этими софистами, о которых говорит Филострат, пользовавшихся большой известностью, обладавших богатством и огромным политическим влиянием, должны были существовать (в особенности в городах меньшего значения и еще больше в маленьких городках) риторы и софисты, у которых единственным источником существования были их жалованье и привилегии. Я этим не хочу сказать, что величина города всегда соответствовала его культурной значимости — у нас слишком много примеров, которые доказывают обратное, — но, безусловно, были города, чья культурная жизнь не отличалась большой интенсивностью, куда бы не отправился ни один выдающийся софист, чтобы там похоронить себя заживо. Тем не менее в этих городах также

---

⁶ Что философы не обладали общим освобождением <от повинностей> в это время (англ). — Прим. ред.

были свои грамматики и свои риторы, может быть, иногда и свой философ, но эти учителя были по необходимости совсем другого рода, нежели те, которых описывает Филострат. Впрочем, даже в том, что касается известных софистов, которые стали темой книги Филострата, нам очень затруднительно узнать, кто из них был действительно и только софистом, приглашенным городом с целью обучать молодежь. Дело в том, что главным образом именно такие софисты были предметом императорских эдиктов, о которых мы говорили. Благодаря нескольким надписям и беглым намекам Филострата мы узнаем, например, что не было редкостью, чтобы прославленные софисты делали всадническую карьеру прокуратора, как в тех случаях, что так хорошо изучил Х. Г. Пфлаум⁹⁷, или даже карьеру сенатора. Софист Дионисий из Милета, например, о котором Филострат говорит с большим восхищением, на самом деле исполнял прокураторские обязанности при Адриане, как нам сообщает сам Филострат и еще одна надпись: то есть он был по крайней мере один раз прокуратором восточной провинции и дважды императорским прокуратором, с полномочиями, характер которых в надписи не определен⁹⁸. Другой случай касается софиста и философа Г. Авидия Гелиодора, соперника Дионисия из Милета. Он исполнял прокураторские обязанности *ab epistulis (Graecis?)*⁹⁹ при Адриане⁹⁹ и стал впоследствии префектом Египта, как нам сообщают несколько надписей¹⁰⁰. Очень вероятно, как утверждает Х. Г. Пфлаум, что Авидий Гелиодор между этими двумя назначениями исполнял и другие промежуточные административные функции, имеющие отношение к карьере прокуратора, но о которых нам неизвестно. Еще при Адриане ритор Каниний Целер, которого Филострат ставил невысоко, автор трактата по риторике и также враг Дионисия из Милета, тоже занимал пост *ab epistulis*¹⁰¹. Возможно, речь идет об учителе Марка Аврелия¹⁰². Мы знаем также Корнелия Фронтон, учившего риторике Марка Аврелия и Луция Вера, который очень рано получил известность как адвокат при римском дворе¹⁰³. Надпись сообщает нам его *cursus honorum* вплоть до должности претора¹⁰⁴. Он был *consul suffectus* в 143 году, значит, при Антонине Пие. Из-за болезни он вынужден был отказаться от исполнения обязанностей проконсула Азии¹⁰⁵. Таким образом, здесь идет речь о сенаторской карьере. При Марке Аврелии софист Пелоплатон (= Платон из глины), уроженец Селевкии в Киликии, занимал прокураторскую должность *ab epistulis Graecis*¹⁰⁶. Еще одна прокураторская карьера софиста известна нам не через Филострата, а на этот раз из надписи¹⁰⁷. Последняя нам сообщает, что некий Непотиан был сначала, вероятно, при Септимии Севере, прокуратором *ab actis* (с жалованьем в 60. 000 сестерциев), то есть он выполнял, согласно Х. Г. Пфлауму, обязанности «главного редактора» римской «официальной газеты»⁸. Он продолжил свою карьеру, став прокуратором первой риторической кафедры на жалованье в 100. 000 сестерциев (*procurator centenarius primae cathedrae*) — кафедры, которая была основана Веспасианом. Звание прокуратора, связанное с этой должностью, служило, согласно Х. Г. Пфлауму, исключительно иерархическим целям и позволяло включить этот пост в перечень всаднических занятий. Еще один пример — Аспазий из Равенны, который жил при Септимии Севере. Согласно Филострату¹⁰⁸, этот софист занимал сначала кафедру риторики в Риме, возможно, также в звании прокуратора, и потом пост *ab epistulis*. Мы не знаем последующей карьеры Аспазия, но нам известно, что он много путешествовал в свите императора, что исключает на это время регулярное преподавание в городе. Можно прибавить еще ритора Эвмена, уроженца Отена, о котором мы уже говорили¹⁰⁹, — он в течение многих лет преподавал риторику, — правда, мы не знаем, где, — прежде чем Констанций избрал его на должность *magister memoriae*¹¹⁰, возможно, в Трире. Должность *magister memoriae* была выше *ab epistulis*: секретарь *ab epistulis* занимался императорской корреспонденцией, а *magister memoriae* «решал вопросы и единственный имел прямой доступ к императору»¹¹¹. Потом Констанций его назначил управлять Мениевыми школами в Отене и преподавать там риторику, но он смог сохранить звание *magister memoriae* вместе с доходами, полагающимися по этой должности. Как и Эвмен, другой ритор, имя которого нам неизвестно и о котором мы знаем только, что он автор панегирика, адресованного Констанцию в 297 г., стал придворным секретарем (*ab*

⁷ Секретарские обязанности (на греческом языке?) (лат.) — Прим. ред.

⁸ По сообщению Светония (*Iul.* 20, 1), первым публикацию официальной хроники (*tam senatus quam populi diurna acta*) ввел Цезарь. — Прим. ред.

epistulis?) в Трире¹¹². Другой ритор, поэт Авзоний, стал при Валентиниане I *comes* и *quaestor sacri palatii* после того как тридцать лет преподавал сначала грамматику, а потом риторику на кафедре своего родного города Бордо (*Burdigala*) и после того как был воспитателем наследника Грациана. По его воцарении он выполнял должности *praefectus Galliarum* в 378-м и консула в 379 году. От Авзония, то есть из его *Commemoratio professorum Burdigalensium* (XVII), мы знаем другого ритора, Экзуперия, родившегося в Бордо, но учившего в Тулузе (*Tolosa*), который также достиг высот в качестве императорского чиновника: он стал *praeses* в Испании. Очевидно, что не следует путать такой род карьеры с карьерой простых софистов, целиком преданных преподаванию. У меня создалось четкое впечатление, что софисты, описанные Филостратом, по большей части не имели ничего общего с нормальным педагогическим составом, который приглашался городом на определенных условиях, в частности, осуществлять регулярное обучение юношества данного города, что требовало в конечном счете много времени и почти постоянного присутствия в городе. Если эти условия не соблюдались, город имел право отослать учителя обратно¹¹³. Привилегии предоставлялись в полной мере лишь в том случае, если софист преподавал в своем родном городе и был включен постановлением совета в *numerus praefinitus*, то есть в число, установленное Антонином Пием в соответствии со значением городов. Но если софисты, грамматики или риторы преподавали в другом городе, то их родной город мог предъявить свои права на услуги своих выходцев. Софисты-«звезды» Филострата, если не следовали иной карьере, то чаще всего не преподавали в своих родных городах, а много путешествовали, так что вообще-то они в результате этого не имели права на льготы ни в своих родных городах по первой причине, ни в каком другом городе по второй. Они могли претендовать на обычные привилегии учителей только в исключительных случаях, в виде вознаграждения за знаменитость. Действительно существует приказ Антонина Пия касательно такого случая. Этот текст предусматривает, что освобождение от обязанностей могло быть дано людям *ἄγαν ἐπιστήμονας*, то есть выдающимся эрудитам, даже если они были за пределами указанного числа и не преподавали в родном городе¹¹⁴. Это означает, кажется, что упомянутые выдающиеся эрудиты были освобождены от повинностей в своих родных городах, если они преподавали в других местах. Если верить Модестину¹¹⁵, то такие же привилегии жаловались, начиная с Септимия Севера, тем, кто преподавал в Риме (на жаловании или нет), потому что в Риме они преподавали на своей самой подлинной родине. Но знаменитость — это звание, не всегда признаваемое всеми, и случалось, например, как нам рассказывает Г. Бауэрсонк¹¹⁶, что привилегии софиста Элия Аристида были неоднократно опротестованы. Родившись в Адрианутерах (или Адриани^{116а}) в Мизии, живя по преимуществу в Смирне, нигде не преподавая, он в действительности не имел никакого права на освобождение от гражданских и прочих повинностей¹¹⁷. Именно поэтому как родной город, так и Смирна хотели обязать его исполнять некоторые обязанности, которых ему всегда удавалось избежать, пользуясь своей известностью. Но для того чтобы достичь этого, ему всякий раз приходилось снова доказывать свою известность: это показывает, что освобождение от повинностей на таком основании всегда могло быть опротестовано, что неудивительно.

По прочтении Филострата создается впечатление, что большинство софистов-«звезд», биографии которых он написал, находилось в ситуации, Августинологичной ситуации Аристида, то есть что они, либо из-за перерывов в преподавании, либо из-за того, что они не учили в своем родном городе или делали всадническую прокураторскую карьеру, или карьеру сенаторскую, не имели никакого права на льготы, предоставляемые обычному составу преподавателей свободных наук. Поэтому, я думаю, опасно судить об общественном положении всего класса софистов на основании картины, которую нам дает Филострат. Что касается философов, то на основании письма Антонина Пия¹¹⁸ кажется, что им всегда было трудно отказать, если они были богаты, в том, чтобы их общины воспользовались их богатством на том простом основании, что от подлинного философа ожидалось отсутствие привязанности к вещественному.

4. Сведения из *Historia Augusta*

Мы попытались рассмотреть, каким был тип общественного образования, которое города обеспечивали своим юношам в течение двух первых веков нашей эры вплоть до

правления Адриана включительно. Для этой цели мы использовали надписи, а также юридические и литературные тексты. Вернемся теперь особо к сведениям из *Historia Augusta*. Но, поскольку это сочинение весьма специфического свойства, сначала нам следует изложить присущую ему проблематику, чтобы оценить по справедливости те сведения, которые оно нам сообщает о культуре.

Historia Augusta как пропагандистское сочинение

Historia Augusta — это собрание тридцати биографий римских императоров и некоторых узурпаторов от Адриана до Нумериана, то есть со 117-го по 284 год. Рукописная традиция передает нам шесть имен авторов этих биографий: Элий Спартиан, Юлий Капитолин, Вулькаций Галликан, Элий Лампридий, Требеллий Поллион и Флавий Вописк. Семь биографий посвящены императору Диоклетиану, шесть других — императору Константину. Поэтому первые интерпретаторы *Historia Augusta*¹¹⁹ решили, что это произведение было создано в эпоху Диоклетиана и Константина, то есть в конце III — начале IV века. Однако со временем, во многом благодаря работам Й. Штрауба¹²⁰ и Е. Хола¹²¹, стало ясно, что это произведение не шести разных писателей, а одного фальсификатора-анонима. Этот фальсификатор должно быть, был язычником, сторонником римской сенаторской и языческой традиции, жившим в конце IV — начале V века нашей эры; произведение, по всей видимости, было написано после битвы 394 года на реке Фригид в северной Италии, битвы решающей, после которой языческая оппозиция утратила свою политическую силу. Этот анонимный автор *Historia Augusta* хорошо знал сочинение Аврелия Виктора под названием *De Caesaribus* («О цезарях») и произведение Аммиана Марцеллина, однако ему была также знакома и христианская литература. Й. Штрауб очень хорошо объясняет ситуацию, в которой оказалась языческая оппозиция после битвы при Фригиде, во время которой рухнули ее последние надежды: она более не могла открыто критиковать нетерпимость христианского режима по отношению к язычеству, как еще мог это делать определенной мере Симмах⁹ в своей речи за восстановление алтаря Победы. Если, несмотря ни на что, языческая оппозиция хотела открыто в письменном виде оправдать свои позиции и потребовать минимальной терпимости со стороны власти, то она могла это сделать лишь скрываясь за псевдонимами и за фиктивной датой составления документа. Таким образом, единственная надежда, которую мог иметь автор *Historia Augusta*, и единственная цель, которую он мог преследовать, — показать своим современникам-христианам то терпимое отношение, которое добрые языческие римские императоры проявили к христианам, и требовать с помощью этой уловки такого же отношения к язычникам со стороны христианских императоров. Поэтому в биографии Александра Севера автор *Historia Augusta* с особенной настойчивостью отражает, в стиле «Зеркала государей», свое собственное представление об идеальном императоре и с удовольствием описывает терпимость этого императора по отношению ко всем религиям, включая иудейскую и христианскую. В этой связи он большое значение придает девизу Александра Севера, — девизу, который был даже по происхождению иудейским или христианским, как он подчеркивает, и который хорошо передает этот дух терпимости: «Не делай другому того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе»¹²³. Урок, преподанный христианам, ясен: им нужно только следовать своим собственным принципам по примеру Александра Севера. Анонимный автор говорит также об Александре Севере¹²⁴, что у него в одной из его личных молелен, в его ларарии, были изображения или статуи не только лучших из обожествленных римских императоров, но и

⁹ Квинт Аврелий Симмах (ок. 345–402) — один из крупнейших латинских писателей IV в. по Р. Х., автор речей, писем (9 книг) и донесений (*relationes*) императору, которые он подавал в качестве городского префекта; протестовал (382 г.) против удаления императором Грацианом из курии сената алтаря Победы, за что был изгнан из Рима; в 384 г., после смерти Грациана, тщетно добивается восстановления алтаря от императора Валентиниана; его победоносным противником в этом деле был епископ Амвросий Медиоланский (приложивший текст третьей *relatio* Симмаха к своему опровержению). Симмах выступил на стороне узурпатора Максима и спас свою жизнь панегириком императору Феодосию, от которого получил консульство. Один из корреспондентов Авзония. — *Прим. ред.*

«святых душ», как, например, Аполлония (Тианского) и, согласно сведениям одного современного писателя, Христа, Авраама, Орфея и других подобных, стоящие рядом с портретами предков. Насколько я знаю, никто из историков или филологов не верит сегодня в истинность утверждения, что Александр Север наряду с языческими героями, равным образом почитал бы Христа и Авраама. Это утверждение, напротив, рассматривается как чистый вымысел, несмотря на то что автор *Historia Augusta* предлагает якобы свидетельство историка, современника Александра Севера. Ученые приходят к единому мнению, что, ставя Христа в один ряд с почитаемыми языческими персонажами, автор хочет оспорить претензию христианства быть единственной истинной религией.

Было также замечено, что автор *Historia Augusta* использовал многие черты императора Юлиана в предлагаемом портрете Александра Севера. Поскольку более не было разрешено говорить о Юлиане, которого христиане считали отступником и которого старались стереть из памяти, автор *Historia Augusta* возрождает его в лице Александра Севера в идеализированном виде, отражающем миф, который очень быстро сформировался после смерти Юлиана по поводу этого императора: в нем видели второго Александра Великого, историческую фигуру, которую Александр Север действительно считал для себя образцом.

Итак, Александр Север описан как идеальный император. Но рядом с ним есть другие императоры, которых признают хорошими или относительно хорошими, такие, как Траян, Адриан, Антонин Пий и Марк Аврелий, предлагаемые также в виде примеров христианским императорам. Из этой апологетической цели *Historia Augusta* вытекает, что доверять историческим деталям, приводимым в этом сочинении, можно только при условии, что они подтверждены другими источниками. Этот факт важен равным образом, когда речь идет об интерпретации отрывков о воспитании идеальных императоров, поскольку эти тексты рискуют отражать скорее идеальную программу, нежели историческую реальность. Так, на примере биографии того же Александра Севера: автор перечисляет поименно всех учителей, которые учили Александра Севера в юности. Но сегодня подлинность этих лиц и их имен ставится под сомнение. По этому поводу я отсылаю к работе Р. Сайма «*The Bogus Mames in the Historia Augusta*»¹²⁵. Й. Штрауб, в своей статье «*Severus Alexander und die Mathematici*»¹²⁶, отмечает, что различные отрывки из *Historia Augusta*, посвященные воспитанию и образованию разных императоров, заслуживают специального изучения. Он сам внес уже вклад в будущее исследование, изучив следующий вопрос: описание в *Historia Augusta* отношений, которые были у Александра Севера с математиками, то есть с астрологами, «халдеями», и ему удалось еще раз сделать очевидной антиисторическую тенденцию этих отрывков, без специальной цели уточнить языческую апологетическую тенденцию. Я, естественно, не могу в контексте настоящей работы предпринять изучение целого, как хотелось бы Штраубу, но я тем не менее попробую несколько уточнить характер языческой тенденции, которая проявляется в *Historia Augusta*.

Неоплатоническая тенденция в *Historia Augusta*: жизнеописание Александра Севера

Я полагаю, что культурный идеал *Historia Augusta* отражает идеал латинского неоплатонизма. Меня сразу поразило в биографии Александра Севера, что мы можем выявить некоторое сходство между воспитанием Александра Севера, как оно описано в *Historia Augusta*, и воспитанием Платона в рассказе Апулея из трактата «Платон и его учение»¹²⁷. Естественно, в отличие от Платона, греческого философа, Александр Север, римский император, должен получить у *litteratores, grammatici* и *rhetores* двуязычное образование на греческом и латинском языке. Апулей также не мог сказать о Платоне, что тот брал уроки у ритора и софиста, но он решительно настаивал, как мы видели¹²⁸, на том, что Платон обладал чудесной способностью к самовыражению. Он был ритором, не обучаясь риторике у учителя. Другое необходимое отличие: будущий император должен был получить специальные навыки в военном искусстве и военной дисциплине, в то время как будущий философ не имел иных обязанностей, кроме как простого гражданина Афин. Но если Апулей подчеркивает страсть юного Платона к учению¹²⁹, то автор *Historia Augusta* отмечает то же самое по отношению к Александру Северу¹³⁰: «С раннего детства он познавал благородные искусства, как гражданские, так и военные, и по собственному убеждению он

не пропустил бы и дня, упражняясь в литературных занятиях и военном ремесле». Александр Север также получил философское образование у грекоязычного философа¹³¹, и потребовалось, как нам сообщает автор *Historia Augusta*, влияние отца, чтобы немного отвлечь его от любимых занятий философией и музыкой в пользу наук, более соответствующих его будущему положению¹³². Я не знаю, какое определение здесь следует дать термину «музыка». В биографии Марка Аврелия, содержащейся в *Historia Augusta*, слово «музыка» означает теорию музыки в платоновском смысле, так как музыке и геометрии Марка Аврелия обучает один и тот же учитель¹³³. В случае с Александром Севером можно думать как о практическом изучении музыки, так и о музыке как науке, обучающей поэтическим правилам метра и ритма, — науке, которая вообще была первым этапом, а иногда и единственным предметом музыкальных неоплатонических занятий. Александра хвалят за его поэтический дар, за его умение петь и играть на многих инструментах¹³⁴. Апулей также превозносит поэтическое дарование Платона¹³⁵: если он сообщает нам, что тот сочинял дифирамбы, это значит, что он практически владел музыкой, — искусством, которым в греческой среде эпохи Платона овладевали самостоятельно. Немного далее мы снова сталкиваемся с некоторой двусмысленностью термина «музыка»¹³⁶. Александр Север, — сообщают нам, — умел писать недурные стихи (*nec versus invenustus*) и имел склонность к музыке (*et ad musicam pronus*). Далее в тексте отмечаются его познания в астрологии (*matheseos peritus*) в современном смысле слова и в геометрии, — знания, которые Апулей выделяет также у Платона¹³⁷ — с той разницей, что Апулей, несмотря ни на что, употребляет термин *astrologia*, который в общем означает для древних так же, как и для неоплатоников, одновременно и астрономию, и астрологию. Более того, как и Платон, Александр умел рисовать¹³⁸ и, last not least, он отличался в борьбе (*palaestes primus fuit*)¹³⁹, снова по примеру Платона, который, по Апулею, даже участвовал в качестве борца в Пифийских и истмийских играх¹⁴⁰. Нам сообщают также о чтении Александра: он каждый день читал предпочтительно греческую литературу, изучая произведение Платона «Государство»¹⁴¹. Его любимым латинским чтением были сочинения Цицерона «Об обязанностях» и «О государстве»¹⁴². Благодаря комментарию Макробия на «Сон Сципиона» мы можем себе представить то важное значение, которое приобрело это последнее произведение Цицерона в римских неоплатонических кругах времен автора *Historia Augusta*. Иногда Александр выбирал также произведения риторов и поэтов, например, Горация¹⁴³. Он имел обыкновение говорить, что Вергилий был «Платоном среди поэтов»¹⁴⁴. Смысл этой формулы становится яснее, если вспомнить, что действительно существовал неоплатонический комментарий к этому поэту, который толковал «Энеиду» в неоплатоническом смысле¹⁴⁵. Таким образом Вергилий реально стал Платоном латинской литературы. Александр Север, кроме того, поместил портрет Вергилия в своей второй личной часовне рядом с портретом Цицерона. Ему нравилось слушать декламации греческих и латинских риторов и поэтов, и он довольно часто посещал Атенеум с этой целью¹⁴⁶. Но он также не пренебрегал выслушиванием риторов, которые выступали в суде¹⁴⁷. В особенности он любил слушать декламации, посвященные деяниям предшествующих императоров или героев древнего Рима, и испытывал особенный интерес ко всей литературе, которая касалась фигуры Александра Великого¹⁴⁸.

В этом рассказе о воспитании императора и его общей культуры мы до сих пор не нашли ни одной детали, которую нельзя было бы считать правдоподобной, или по меньшей мере возможной. Вполне можно представить себе, что юный римский император мог бы иметь те же таланты и те же предпочтения, что и юный Платон — с соответствующими оговорками — и что он действительно интересовался платоновской, а точнее, неоплатонической философией. Но есть один момент в описании качеств Александра, вызывающий подозрение у современной критики, о котором я до сих пор не упоминала. Эти подозрения ставят под сомнение историческую правдивость всего описания. Автор *Historia Augusta* говорит об Александре Севере, что он *matheseos peritus*¹⁴⁹, что означает что означает на языке этого произведения, как показал Йог. Штрауб¹⁵⁰, что он был астрологом. Параллельные тексты из *Historia Augusta*, которые цитирует Штрауб, действительно не оставляют сомнений в этой интерпретации¹⁵¹. Кроме того, далее автор сразу называет искусство астрологов (*mathematici*), и этот термин *mathematici* обозначает уже у Цицерона и потом во всех юридических текстах астрологов, халдеев. Утверждение, согласно которому

Александр был ученым астрологом, не содержит в себе ничего шокирующего, но продолжение текста создает трудности. «Александр Север был ученым астрологом, — говорит *Historia Augusta*, — и следствием этого являлось то, что по его приказу астрологам (*mathematici*) было разрешено публично демонстрировать в Риме свое искусство и быть учителями, чтобы этому искусству обучать¹⁵². Более того, он был не только астрологом, но также очень опытным в своем искусстве гаруспиком (*haruspicianae... peritissimus*) и птицегадателем (*orneoscopos magnus*) и превосходил в этом учении как баскских авгуров в Испании, так и их паннонских коллег. Прежде всего очень маловероятно, согласно Иог. Штаубу¹⁵³, чтобы Александр мог быть воспитан как гаруспик или авгур, если принять во внимание сирийское происхождение Александра и то, что он провел свою молодость по большей части на родине. Не исключено, конечно, что он интересовался предсказаниями профессионалов мантики, но невероятно, чтобы он сам был одним из этих профессионалов. Но, кроме того, второй аргумент Штауба кажется мне решающим, чтобы показать тенденциозный характер этого текста. Мы только что видели, что, согласно *Historia Augusta*, Александр Север якобы позволил *mathematici*, то есть астрологам, участвовать в государственном образовании, оплачиваемом из казенных средств. Й. Штауб очень хорошо показывает, обращаясь к юридическим текстам всей императорской эпохи, но в особенности ранней Империи, собранным Ф. Х. Кремером¹⁵⁴, что это утверждение может быть только фальсификацией. Эта фальсификация становится еще более явной, если рассмотреть параллельный текст¹⁵⁵, в котором говорится, что Александр давал жалованье риторам, грамматикам, врачам, гаруспикам, астрологам (*mathematici*), инженерам (*mechanici*) и архитекторам, что он предоставлял в их распоряжение помещения для занятий, давал им учеников, набранных из бедных, при условии, что они родились свободными, и выделял средства на их пропитание (*annona*). В этом тексте утверждения, касающиеся грамматиков, риториков и врачей, определенно достоверны, так как императорское жалованье, а в особенности муниципальное, было предоставляемо этим профессиям, как мы видели, очень рано, в начале императорской эпохи¹⁵⁶. Почти совершенно точно также, что, во всяком случае в более позднюю эпоху Империи, в тот момент, когда архитекторы были редки, Константин Великий приказал, издав эдикт, датированный 334 годом, чтобы власти Африки сделали все от них зависящее, чтобы побудить к этому роду занятий юношей, которые учились словесным наукам (*litteras liberales*) приблизительно до восемнадцатилетнего возраста. Чтобы юноши были заинтересованы в этом, им гарантировали жалованье и обещали, как им самим, так и их родителям, освобождение от повинностей¹⁵⁷. Разница между *mechanici* и *architecti* имеет иерархический характер, поменявшийся на противоположный к концу Римской Империи; *mechanici* из нижестоящих превратились в наиболее видных архитекторов¹⁵⁸. Но в целом в юридических текстах *mechanici*, *architecti* и *geometres* никогда не идут в одном ряду с грамматиками, риториками и философами, так как обычно они применяли свои знания в армии или городах, работая либо в интересах государства, либо в своих собственных. Если им доводилось преподавать, то они занимались этим лишь часть времени, и их ученикам предстояла обычно профессиональная карьера. *Codex Theodosianus*¹⁵⁹ настаивает (это относится к 344 году) на пожелании государства, чтобы инженеры, геометры и архитекторы делили свои занятия между профессиональными обязанностями и преподаванием, в каком-либо случае им обещают освобождение от повинностей. Этот эдикт был определенно издан по той причине, что эти профессии были редки. Но симптоматично, что ни в одном юридическом тексте речь не идет о жаловании со стороны государства или городских властей, которое бы получали представители этих профессий за свою педагогическую деятельность. В случае, если они действительно преподавали, им предоставлялось только освобождение от повинностей. На самом деле они, конечно, требовали индивидуального вознаграждения от каждого своего ученика¹⁶⁰, и если государство выделяло средства на этих учеников, по крайней мере, на какой-то срок, то это, без сомнения, потому, что они должны были быть готовы к серьезным денежным требованиям со стороны своих учителей. Таким образом, утверждения автора *Historia Augusta*, в том, что касается инженеров и архитекторов, верны лишь частично. Но, согласно Й. Штаубу, мы имеем дело с чистым вымыслом, когда автор *Historia Augusta* утверждает, что Александр Север якобы давал равным образом жалованье, помещения для занятий и учеников с государственной стипендией астрологам и гаруспикам. Я не могу

здесь повторять все аргументы, которые он выдвигает в защиту своей позиции и которые кажутся мне совершенно убедительными. Скажем главное: можно с уверенностью утверждать, что законодательство в отношении *mathematici*, то есть астрологов, магов и халдеев, было неблагоприятно в течение всей эпохи Империи, даже в период расцвета язычества. Дело не в том, что в предсказания астрологов не верили, — наоборот, в них даже слишком верили, но желали предупредить возможные заговоры и восстания, спровоцированные благоприятными пророчествами. Ульпиан, любимый юрист Александра Севера, также упоминает эти ограничительные меры, которые запрещали астрологам как преподавание, так и публичные консультации. На практике, правда, на частные консультации закрывали глаза, а преследовали только использование искусства халдеев в политических целях, например, предсказания о судьбе императора. Эта относительная терпимость полностью исчезла с приходом христианских императоров. Были запрещены и жестоко преследовались все виды дивинации, даже в совершенно личных целях. Суд чаще всего приговаривал к смертной казни, и судили даже на основании простого доноса. Для христианства дело заключалось в том, чтобы поразить противника в самое сердце, потому что дивинация во всех своих ответвлениях, так как она имела одновременно и политическую, и философскую значимость, составляла самую важную часть идеологии не просто язычества, как думает Иог. Штрауб, но язычества в его самой репрезентативной форме — неоплатонизма. Выше, при рассмотрении Марциана Капеллы¹⁶¹, мы могли отметить, какую важность имели в его глазах семь дивинационных искусств, которые он располагал параллельно с семью свободными искусствами. Также и Евнапий, еще один пропагандист язычества, придавал большое значение дивинации, как хорошо показал Р. Гуле в своих лекциях об этом авторе¹⁶². Историк, склонный к неоплатонизму, Аммиан Марцеллин¹⁶³ еще осмелился открыто защищать дивинацию во всех ее формах в своей апологии императора Юлиана. Автор *Historia Augusta* не мог более поступить так же, но настаивал на том, что многие римские императоры, большинством признанные как добропорядочные, сами были опытными астрологами и тайком вводили астрологов и гаруспиков в число учителей, которым лучший император Александр Север обеспечивал широкую аудиторию; этим он давал понять, что дивинацию нет необходимости жестоко преследовать и что она, напротив, представляет собой некоторую ценность.

Согласно мнению Й. Штрауба, которое теперь разделяет большинство историков, автор *Historia Augusta* написал скорее произведение с определенной тенденцией, нежели историческое сочинение. Если моя гипотеза, согласно которой этот автор находится под влиянием неоплатонизма, верна, то она сделает еще более убедительной работу Иог. Штрауба, что касается рассуждений о воспитании хороших императоров. Вместо того чтобы давать нам сведения о реальной общей культуре этих государей, эта картина их образования скорее часто приближается к описанию философского идеала, неоплатоническому «зеркалу государей». Таким образом, невозможно на основании рассказа об общей культуре этих императоров, который нам дает *Historia Augusta*, сделать выводы по поводу культуры, свойственной большей части их современников.

5. Законодательство Марка Аврелия

Что касается законодательства и мер, принятых императорами в пользу учителей, мы уже вкратце упоминали то, что Марк Аврелий основал в 176 г. в Афинах императорские кафедры платоновской, стоической, перипатетической и эпикурейской философии. Лукиан свидетельствует об этом в своем «Евнухе»¹⁶⁵ следующим диалогом.

«Как ты думаешь, Памфил, император установил жалованье, которым не стоит пренебрегать, для философов по их направлениям, — я хочу сказать, для стоиков, платоников и эпикурейцев, и, кроме того, еще для перипатетиков, — жалованье одинаковое для каждого из них. Если один из них умирает, то нужно, чтобы его заменил другой, утвержденный голосованием лучших граждан. И получать будут не «шкуру быка или

жертву»¹⁰, как говорит поэт, но десять тысяч драхм в год, чтобы учить юношей. — Я знаю об этом; и, говорят, один из них умер; я думаю, что один из двух перипатетиков».

Согласно этому тексту, речь всякий раз идет о двух императорских кафедрах для каждого философского направления¹⁶⁶. К сожалению, мы не располагаем другими свидетельствами, касающимися числа кафедр. По Филострату¹⁶⁷, Марк Аврелий также основал кафедру риторики в Афинах с тем же жалованием в десять тысяч драхм. Софист Феодот был первым, кто занял эту кафедру. В этой связи Филострат рассказывает, что Марк Аврелий поручил великому софисту Героду Аттику выбирать философов, платоников, стоиков, перипатетиков и эпикурейцев для императорских кафедр, в то время как учителя риторики выбирал сам¹⁶⁸. После смерти Герода выбор преподавателей философии был возложен на совет, в котором заседали «граждане лучшие, самые старшие и самые мудрые»¹⁶⁹. Дион Кассий¹⁷⁰, говоря по поводу основания в Афинах императорских кафедр, выражается несколько неопределенно: «Когда Марк Аврелий прибыл в Афины и был посвящен в мистерии, он даровал афинянам привилегии, но также он дал на этот раз всех учителей, которые должны были там учить во всех областях знания, имевшего отношение к речам (*ἐπὶ πάσης λόγων παιδείας*), и получать годовое жалование. Из этих слов, пожалуй, можно заключить, что Марк Аврелий основал также императорскую кафедру грамматики, но ни один другой источник таковой не упоминает.

6. Культура западная и культура восточная

Законодательство III века не приносит ничего нового в то, что касается дисциплин, составлявших предмет общественного образования, и это можно констатировать и для последующих веков, за исключением, тем не менее, конца античности, когда можно отметить некоторые предписания, касающиеся юридического образования. Но если предметы общественного преподавания остаются прежними в течение всей императорской эпохи, то общая культура, которая из них проистекает и которая представляет собой главным образом культуру словесную, литературу, риторику и, возможно, философию, все же подвергается изменениям. Прежде всего она разная в западной части Римской Империи, где преобладает латынь, и на востоке, где преобладает греческий. Мы сказали выше¹⁷¹, что во времена Цицерона образование молодых римлян из хороших семей было двуязычным и вело к совершенному владению греческим языком, как и латинским. Принцип двуязычного образования поддерживался во всей латинской или латинизированной части Римской Империи, то есть в Италии, Испании, Галлии¹⁷², в Африке и на большей части Балканского полуострова (Дакия) вплоть до конца античности, но следует признать, что с течением веков география преподавания греческого постепенно сужалась, а качество падало. Со второй половины II века по Р. Х. преподавание греческого языка включало в себя изучение грамматики (= литературы) и риторики в такой степени, что римляне — Цицерон, Тацит, Квинтилиан¹⁷³, оба Плиния¹⁷⁴, оба Сенеки, Марк Аврелий¹⁷⁵ — были в состоянии не только в совершенстве овладеть греческим языком, но и составить на нем речь по всем правилам риторики или писать стихи. В конце IV века, наоборот, св. Августин, который был ритором и который в молодости изучал греческий, так мало вынес из этих занятий, что ему понадобилось много усилий, чтобы понять греческий текст, и он, очевидно, не был способен сочинять на этом языке. Естественно, всегда есть исключения, выходящие за рамки тенденции, очевидным образом сложившейся в общих чертах. К концу IV, началу V века многие язычники, члены римского сената и императорского двора в Милане, обладали высокой двуязычной культурой; например, Веттий Агорий Претекстат¹⁷⁶, Манлий Теодор, который был подлинным ученым¹⁷⁷, поэт Клавдиан¹⁷⁸, Макробий¹⁷⁹ и — в меньшей степени — Симмах¹⁸⁰. Некоторые представители Церкви, современники Августина — Амвросий, Иероним и Руфин тоже прекрасно владели греческим. Можно, впрочем, утверждать, что высшее общество в Риме, Милане и Равенне (императорской резиденции с начала V века)

---

¹⁰ X 159: *οὐχ ἱερῆϊον οὐδὲ βοεῖην*... Ср. в переводе Гнедича: «...не о жертве они, не о коже воловой / Спорились бегом: обычная мзда то ногам бегоборцев; Нет, об жизни ристались Гектора, конника Трои». — *Прим. ред.*

оставались двуязычными в прямом смысле слова вплоть до начала VI века. В V веке в Галлии мы видим много представителей двуязычной культуры: Клавдиана Мамерта¹⁸¹, Консенция¹⁸² и — несколько ниже уровнем — Сидония Аполлинария¹⁸³. В конце V — начале VI веков в Италии мы можем назвать Боэция и его тестя Симмаха, Кассиодора, епископа Павии Эннодия и латинского грамматика и ритора Девтерия¹⁸⁴. П. Курсель¹⁸⁵ полагает, что истинное возрождение греческой культуры было в Италии в правление Теодориха и что главными его фигурами были Боэций и его тесть Симмах. Однако П. Рише¹⁸⁶ утверждает, что «этот “ренессанс” сводится в светской жизни к попытке Боэция и его окружения реставрировать философскую и литературную греческую культуру, — попытке, которая оканчивается неудачей». И Х. Киркби¹⁸⁷, со своей стороны, говоря о Боэции и его творчестве, не упоминает ни «возрождение», ни «попытку реставрации», но рассматривает деятельность Боэция на фоне непрерывного постоянства двуязычной культуры в правящем классе Рима, Милана и Равенны. Что бы то ни было, но еще живущие на Западе в V и VI веках знатоки греческого языка — или по крайней мере те, кто в состоянии овладеть греческой культурой до такой степени, чтобы быть в состоянии оценить латинские переводы греческих произведений, столь редки, что, как говорит П. Рише¹⁸⁸, «разрыв между латинским и греческим миром теперь почти завершился».

Что же касается греческих или эллинизированных провинций Римской Империи, то их жители, во всяком случае в течение первых двух веков нашей эры, никогда — за редким исключением — не изучали никакой другой культуры, кроме греческой, с одной стороны, потому, что считали свою культуру намного выше римской, с другой, — потому что не видели никакой необходимости изучать латынь. Хотя и побежденные и подчиняющиеся в определенной мере¹⁸⁹ римскому законодательству, греки и эллинизированное население обычно имели возможность пользоваться в судах своим родным языком. Правители и другие высокие римские чиновники были двуязычны, не нуждались в помощи переводчика, только были обязаны, исполняя должность судьи, приносить присягу на латинском языке. Когда посольства разных греческих городов приходили в Рим, чтобы отстаивать права своей родины, они были уверены, что будут прекрасно поняты и сенаторами, и императором. Были даже императоры, как Адриан, Антонин Пий, Септимий Север и Александр Север, которые адресовали официальные бумаги восточным чиновникам или провинциям на греческом языке. Но, как отмечает Г. Дагрон¹⁹⁰, «по большей части письма и рескрипты доходили до провинций в официальном переводе, и существование в императорской канцелярии отдела *ab epistulis Graecis* показывает, что греческий язык находился в привилегированном положении, так же как личный характер взаимоотношений, которые объединяют латинского императора с его провинциями, известными как грекоязычные». В течение двух первых веков нашей эры места императорских чиновников, на которых по общим правилам латынь была обязательна, были недоступны грекоязычным людям, кроме, конечно, случаев, когда вмешивалась благосклонность императора — выше мы приводили несколько подобных примеров¹⁹¹.

Это положение несколько изменилось с того момента, как Каракалла в 212 г. дал римское гражданство не так, как его предшественники, выборочно, но всем свободным жителям провинций; это открыло им одновременно доступ к должностям императорской администрации, при условии, что они знали латынь. Это решение способствовало некоторому росту интереса грекоязычного населения к латыни, так же как и к римскому праву: в том же 212 году, как мы видим, в Кесарии в Палестине открылась школа римского права, которая взяла за основу программу преподавания, практиковавшуюся в Бейруте (*Berytos*)¹⁹². Правовая школа в этом последнем городе была, по-видимому, открыта в начале III века и осталась самой известной из восточных школ римского права, которые были в дальнейшем организованы в Александрии, Афинах, Антиохии до того момента, как с ней стала конкурировать последняя по времени организации школа в Константинополе¹⁹³. Если в начале эпохи принципата обучение праву было исключительно частным и если впоследствии мало-помалу развилось частное образование школьного типа, основанное на составленных для преподавания юридических книгах¹⁹⁴, то в эпоху домината юридическое образование нельзя было более приобрести вне стен государственных школ римского права. На мой взгляд, исключительно об этих школах права можно говорить как об университетах, потому что учениками в них обычно были взрослые люди, уже прошедшие

курс риторики, в то время как уровень образования у грамматиков и раторов, которое начинали рано, но продолжать могли *ad libitum*¹¹, зависел главным образом, с одной стороны, от уровня преподавателя, с другой, от продолжительности обучения, избранной разными учениками. Но очевидно, что во многих случаях в занятиях грамматикой и риторикой ученики достигали очень высокого уровня, который также можно квалифицировать как университетский, при том что в целом государственное образовательное учреждение, обучающее грамматике и риторике, не заслуживает этого наименования. Учителя школ права были на государственном жаловании, и эта категория учителей отныне прибавилась к педагогическому составу государственных императорских или муниципальных школ: к грамматикам, риторам и философам. Можно с уверенностью сказать, что преподавание права осуществлялось на латинском языке до конца IV века, может быть, еще немного времени позже¹⁹⁵. Тем не менее, доля грекоязычного населения, которое изучало латынь для своей пользы, была, по-видимому, весьма незначительной вплоть до царствования Диоклетиана. Но начиная с этого времени мы можем обнаружить у императоров стремление латинизировать восточные провинции, — стремление, которое достигло своего апогея в правление Констанция II, Валента и Феодосия I. Прочитируем еще раз Г. Дагрона: «Диоклетиан, по-видимому, первый сократил привилегии греческого языка... Эта тенденция при Константине становится политикой. Лициний опирался на обособленный языческий Восток; после победы над ним Константин сначала стремится к тому, чтобы не раздражать общественное мнение: его первые эдикты опубликованы, — сообщает Евсевий (*Vita Constantini*, II, 23), — одновременно на латинском и греческом языках. Затем все изменяется: в армии предписана латынь; Восток будет римским; латынь — единственным официальным языком. Преемники Константина идут тем же путем: Констанций II пишет на латыни сенату в Константинополь; законы Юлиана публикуются на латинском языке, хотя в них и встречаются забавные грецизмы. Латынь — официальный язык административной переписки, во всяком случае в отношениях между провинциями и центральной администрацией»¹⁹⁶. Параллельно с этим мы сталкиваемся с явлением, о котором мы уже упоминали: высокопоставленные латиноязычные чиновники, отправляемые в качестве администраторов в восточные провинции, все меньше и меньше владеют греческим. Ни сам император Валент не знает греческого, ни префект претория Востока Руфин¹⁹⁷. В результате всего этого в IV веке грекоязычное население начинает всерьез интересоваться латынью. Благодаря обширной переписке софиста Либания мы можем достаточно точно представить себе ситуацию. Когда он был преподавателем риторики в Константинополе, некоторые из учеников оставили его с 349 года, чтобы продолжить обучение в Бейруте¹⁹⁸, и, когда он был муниципальным учителем риторики в своем родном городе Антиохии, некоторые из его учеников одновременно выучили латынь и прервали свои занятия греческой риторикой, чтобы освоить основы римского права, а другие начали изучение римского права по окончании риторических занятий¹⁹⁹. Интерес к занятиям латынью стал столь велик, что курия Антиохии решила в 356 году открыть место преподавателя латыни²⁰⁰ и немного позже — даже место преподавателя римского права²⁰¹. Имеется знаменитый пример: Аммиан Марцеллин, современник и согражданин Либания, чьим родным языком был греческий, сумел благодаря занятиям латынью удивительным образом освоить этот язык и создать на нем литературное произведение высокого уровня. Будучи на пятнадцать-двадцать лет моложе Либания, Аммиан родился в Антиохии в достаточно состоятельной греческой семье. Он делает военную карьеру, но после смерти императора Юлиана удаляется в Антиохию. К 380 г. он переезжает в Рим, где публикует свои *Res gestae*. Как видно из этого примера, изучение латинского языка на Востоке не всегда носило чисто утилитарный характер, но могло также иногда пробудить истинное литературное призвание. Однако согласно закону Феодосия II, который был издан в 439 году, греческий язык будет формально признан и принят наряду с латинским как официальный, а латынь в Византийской Империи сохранится лишь как язык кодифицированного права²⁰².

Итак, мы установили, что в императорскую эпоху, несмотря на существование центральной администрации и общих законов, касающихся государственного образования,

---

¹¹ По собственному усмотрению (лат.). — *Прим. ред.*

общая культура, которую усваивали в государственных школах, была различной по своему содержанию в западной и восточной частях Империи. Эти местные различия проявились бы еще сильнее, если бы мы стали говорить о культурном вкладе некоторых местных языков, например, сирийского. Наконец, нужно иметь в виду постепенное обнищание образования с течением времени, — обнищание, которое было общим для всей Империи, но ощущалось не везде одинаково и не в одинаковой мере тяжело. Эта последняя тема обсуждалась много раз; поэтому я сочла, что нет необходимости ее касаться в рамках данного исследования.

7. Отношение между преподаванием наук и математики и преподаванием философии

Итак, мы установили существование государственного образования, муниципального и императорского, в области грамматики, риторики, философии и, позднее и в отдельных местах, в области римского права. Но нигде мы не слышим, чтобы речь шла о государственном образовании, относящемся к наукам, математическим или естественным. На самом деле, очевидно, давать эти знания были призваны две категории «ученых»: с одной стороны, геометры, инженеры и архитекторы^{202a}, только частным образом и строго в практических целях, с другой, — философы, как это ни странно может показаться современному исследователю. Эта гипотеза будет подробно подтверждена, если мы внимательно рассмотрим, используя наши знания об этой профессии, представителей естественных наук в императорскую эпоху, будь то ученые, которые оставили нам трактаты по арифметике, геометрии, гармонии, астрономии, астрологии²⁰³ или географии, или ученые, известные нам только своим именем и репутации²⁰⁴.

Гемин написал «Введение к небесным явлениям», то есть трактат по астрономии, «Эпитому метеорологии Посидония — Ἐπιτομή τῶν (или τῆς τῶν) Ποσειδωνίου μετεωρολογικῶν ἐξηγήσεως — и «Теорию математики». Эпитома основывается, таким образом, согласно Александру Афродисийскому в цитате Симпликия^{204a}, на сочинении Посидония. Что касается третьего трактата, то его аргументация, частично приведенная Прокломом²⁰⁵, ясно дает увидеть отголоски стоицизма. Исходя из того, что он цитирует Посидония и сам используется Александром Афродисийским, можно его поместить между концом I века до Р. Х. и концом II века нашей эры. Мы не имеем ни одного указания на то, какова была его профессия²⁰⁶.

Клеомед — автор «Элементарной теории», которая представляет собой, как хорошо показал Р. Гуле²⁰⁷, «курс космологии, который Клеомед, преподаватель стоической философии, читал своим ученикам». «Космология Клеомеда, — добавляет Р. Гуле, — это только один раздел стоической физики». Клеомед считает себя не астрономом, а философом-стоиком²⁰⁸. Даты жизни этого автора в точности неизвестны. Время его жизни предположительно приходится на промежуток между I и V веками нашей эры²⁰⁹.

Фрасилл был советником по астрологии императора Тиберия и философом-платоником. Схолии к Ювеналу (*Sat.* 6, 576) следующим образом излагают его *curriculum vitae*: «Фрасилл, после того как преподавал теорию многих искусств (*multarum artium scientiam professus*), примкнул к платоникам и занялся астрологией (= *mathesis*), в которой он особенно отличился при Тиберии: будучи в большом почете у этого императора, он жил в близкой с ним дружбе». Ахилл Татий в своем трактате «О сфере» дважды ссылается на произведение Фрасилла в том же жанре²¹⁰. Резюме одного из его астрономических сочинений: до нас дошел «Пинакс (πίναξ, астрологическая таблица) к Гиероклу», а также две цитаты из его музыкального трактата «О гептахорде»²¹². Философские интересы Фрасилла хорошо известны и были вполне оценены недавним научным исследованием; мысль Фрасилла свидетельствует о решающем периоде в подготовке неоплатонизма²¹³. Диоген Лаэртский²¹⁴ и Альбин²¹⁵ свидетельствуют об интересе, который проявил Фрасилл к классификации

сочинений Платона; если он не сам придумал группировку платоновских диалогов по тетралогиям, он во всяком случае ее принял и оправдал²¹⁶. Предисловие к трактату грамматика и философа-платоника Лонгина «О цели. Против Плотина и Амелия Гентимана» содержит упоминание о сочинении или сочинениях Фрасилла о пифагорейско-платоновских принципах²¹⁷.

Страбон, автор исторических и географических сочинений на заре христианской эры сам представляет себя как последователя стоицизма. Он рассматривает географию как предмет, относящийся к сфере деятельности философа²¹⁸ и предваряет свою «Географию» историческим рассуждением, цель которого — доказать, что нельзя быть географом, не будучи философом²¹⁹.

Герон Александрийский, согласно Проклу²²⁰, был «инженером» (*μηχανικός*). Время его жизни датируется лишь приблизительно: между 200 г. до Р. Х. и 300 г. по Р. Х., но есть тенденция относить его примерно к 100 г. нашей эры²²¹. Герон — автор комментария к Евклиду, собрания математических «Определений», трактата в трех книгах об искусстве измерять любую, плоскую или изогнутую поверхность (*Metrica*), автор *Commentatio dioptrica* и «Механики».

Карп Антиохийский — тоже инженер (*μηχανικός*), согласно Проклу²²². Даты его жизни также сложно установить. Таннери помещает его приблизительно в I или II век нашей эры²²³. Он автор «Астрологического трактата» и, возможно, комментария к Евклиду²²⁴.

Никомах Герасский²²⁵, живший примерно около 100 года нашей эры, написал «Арифметическое введение», «Учебник гармонии» и «Теологические размышления о числах». Эти трактаты отражают пифагорейско-платоническую философию и очевидно предназначены для преподавания философии платонизма и полезны только исходя из такой перспективы. «Арифметическое введение» было переведено на латинский язык средним платоником Апулеем и неоплатоником Боэцием и было откомментировано неоплатониками Ямвлихом и Филопоном.

Сосиген был философом-перипатетиком и учителем Александра Афродисийского; он написал сочинение по астрономии «О балансирах»²²⁶.

Феон Смирнский²²⁷ жил во времена императора Адриана. Цель его трактата «Математические знания, полезные для понимания Платона», достаточно объяснена в его заглавии. Речь идет об арифметическом, музыкальном и астрономическом введении в философию Платона. Геометрическая часть, возможно, утрачена²²⁸. Два других сочинения, трактат «О последовательности чтения сочинений Платона» и еще один, о «Государстве» Платона, известны нам только по заглавиям. Клавдий Птолемей приводит четыре астрономических наблюдения Феона. Есть мнение, что бюст эпохи императора Адриана, найденный в Смирне, на котором есть надпись *Θέωνα Πλατωνικὸν φιλόσοφον*, относится к нашему персонажу²²⁹.

Клавдий Птолемей, который жил во II веке нашей эры, — знаменитый математик, астроном, астролог и географ, произведения которого гремели в греко-римском и арабском мире. Между тем Суда его помещает среди философов²³⁰, и совершенно справедливо, как это доказывают *Studien über Claudius Ptolemaeus*, работа Фр. Болля. После подробного исследования философской позиции Птолемея²³¹, которое учитывало «Математическое собрание», философский трактат «О критерии и ведущем начале» и книги по «Гармонике», Фр. Болль приходит к следующему умозаключению²³²: «В “Собрании” представлены исключительно аристотелевские взгляды. Часть сочинения “О критерии и ведущем начале”, которая посвящена теории познания, — ближе всего к принципам перипатетической школы. И даже в первой и третьей книгах “Гармоники” много элементов взято из того же самого источника, но в других местах мы находим в учении Птолемея об элементах, в его

психологии, в отношении к *συγκατάθεσις* изрядное число стоических теорем^{232a}. Но не только стоические теоремы вплетены в фундаментальное рассуждение в аристотелевском духе; наряду с перипатетическим тройным делением без перехода используется платоновское учение о частях души, и основная мысль третьей книги “Гармоники” вытекает из пифагорейской арифметической спекуляции». Из-за этого смешения стоических, перипатетических и платоновских элементов в философии Птолемея я не исключаю возможности того, что он был средним платоником²³³. Его научное творчество охватывает почти все математические и естественные направления: астрономию — «Математическое собрание», или «Альмагест», «Фазы» (трактат о фазах тридцати неподвижных звезд), «Обходные таблички» (таблицы в виде учебника), «Гипотезы о планетах» и т. д., астрологию — «Четверокнижие»; музыку — «Гармоника»; географию — «Таблицы долготы и широты основных городов» и «Изложение географии»; оптику — «Оптика».

Порфирий, знаменитейший философ-неоплатоник, которого мы полагаем у истока теории цикла семи свободных искусств, написал также математические, астрологические и музыкальные трактаты наряду с многочисленными сочинениями по философии, литературной критикой, сочинениями по риторике и грамматике: комментарий к «Гармонике» Птолемея, «Введение к Четверокнижию» того же автора, «Введение к астрономическим исследованиям» в трех книгах и, возможно, еще и комментарий к Евклиду²³⁴ или математический трактат²³⁵.

Спорос (или Порос) — во II веке автор сочинения, озаглавленного *Κηρία ἀριστοτελικά*, которое заключало в себе астрономические и математические доказательства. Заглавие указывает философскую направленность этих доказательств²³⁶.

Папп жил, вероятно, во времена Диоклетиана и Константина I²³⁷. Статья Суды, однако, делает его современником Феодосия I, так же как и Феона Александрийского. Он — наряду с Диофантом — пользуется репутацией последнего достаточно серьезного греческого математика. Кроме того, согласно статье Суды, он был преподавателем философии²³⁸. С другой стороны, Таннери признает²³⁹, что можно отнести к нашему философу-математику клятву, приписываемую в алхимических текстах философу Паппу, текст которой следующий²⁴⁰: «Я говорю о Боге, что он един по сути, а не по числу, что он создал небо и землю, четверку элементов (*τετρακτύς*) и то, что из нее происходит, и кроме того, что он поместил в тело наши рассудительные разумные души, — Он, восседающий на колеснице херувимов, восхваляемый ангельскими хорами». Таннери утверждает, что эта клятва «скомбинирована таким образом, что может произноситься равным образом и христианином, и язычником». Тем не менее, мне кажется невозможным, чтобы эта формула могла быть принята христианином, так как клятва не упоминает творения душ и удовлетворяется намеком на неоплатоническую идею, согласно которой каждая индивидуальная человеческая душа существует ранее тела и помещается в тело в соответствии со своими заслугами.

Упоминание херувимов и ангелов вполне возможно у неоплатоника: Порфирий, по-видимому, знал разницу между архангелами, ангелами, херувимами и славами (серафимами)²⁴¹. Этот элемент, если придавать ему значение даст нам еще одно указание на неоплатонизм. Папп написал сочинение по географии «Описание областей обитаемой земли», комментарий к «Началам» Евклида, к «Альмагесту» Птолемея и «Математическое собрание», которое содержит важные математические трактаты.

Анатолий, философ III в. нашей эры, написал трактат, озаглавленный «О декаде и числах, которые она содержит», — аритмологическое сочинение, которое обильно цитируется в сборнике «Теологические размышления об арифметике», — сборнике, обычно приписываемом Ямвлиху. Евсевий Кесарийский²⁴², со своей стороны, говорит об Анатолии Александрийском, который написал десять трактатов по арифметике и стал впоследствии епископом Лаодикийским (возможно, с 269 года); он дает о нем следующие биографические сведения: «Он тоже был александрийского происхождения; благодаря своему красноречию и познаниям в греческой философии он считался в первом ряду среди самых известных

людей нашего времени. Он действительно достиг самых вершин теории арифметики, геометрии, астрономии и других областей, будь то теория диалектики или физики, и, кроме того, он также достиг высот в риторических дисциплинах. Вот почему, согласно тому, что о нем говорят, сограждане сочли его достойным организовать в Александрии школу в традиции Аристотеля»²⁴³. Немного далее Евсевий пишет²⁴⁴: «Не только много было написано Анатолием, но до нас и дошло достаточно его трудов, чтобы почувствовать в них одновременно и красноречие, и разносторонность знаний их автора». Возникает вопрос: не о том же самом человеке говорит Евнапий, когда в связи с неоплатоником Ямвлихом он упоминает Анатолия, который был учителем последнего²⁴⁵: «Когда он был учеником Анатолия, который считался на втором месте после Порфирия, Ямвлих делал большие успехи и достиг вершин философии. Потом, когда после Анатолия он стал общаться с самим Порфирием, он ни в чем не отличался от него, если не считать гармонии и силы речи». Таннери принимает отождествление Анатолия-епископа с Анатолием-учителем Ямвлиха, что другими²⁴⁶ ставится под сомнение. Действительно, аритмологический трактат в том жанре, в каком мы находим его у Анатолия, озаглавленный «О декаде и числах, которые она содержит», мало приличествует настоящему аристотелику, но замечательно подошел бы учителю Ямвлиха, если предположить, что он был неоплатоником. И, кроме того, возможно также, что Евсевий ошибся в определении философской принадлежности Анатолия; и этот автор не в первый раз допускает ошибку такого рода²⁴⁷; он, впрочем, сам признает, что он основывается на сведениях, собранных по слухам. Во всяком случае, что бы по этому поводу ни говорил Г. Барди²⁴⁸, ничто нам не гарантирует, что Анатолий был христианином уже во время пребывания в Александрии: он мог обратиться позже.

Диофант Александрийский, согласно Таннери²⁴⁹, — современник Паппа. Он — автор тридцати книг, озаглавленных «Арифметика». Мы ничего не знаем о его профессии.

Ямвлих, знаменитый философ-неоплатоник, ученик Порфирия, жил примерно в конце III — начале IV века. Его сочинения, относящиеся к математике, следующие: «Об общей математической науке» (*De communi mathematica scientia*), «О введении к арифметике Никомаха» и «Теологические размышления об арифметике».

Серен из Антиссы оставил нам трактат «О сечении цилиндра» и еще один «О сечении конуса». В рукописях этих двух трактатов автор квалифицируется как философ. Его комментарий к «Коническим сечениям» Аполлония Пергского до нас не дошел. Неоплатоник Марин цитирует этот комментарий в своем предисловии к «О заданных величинах» Евклида. П. Таннери хронологически помещает его между Паппом и Гипатией, то есть приблизительно в IV веке²⁵⁰.

Феон Александрийский был также философом и, как нам сообщает Суда²⁵¹, годы его деятельности приходятся на время правления императора Феодосия. Я не думаю, что следует буквально понимать текст Дамаския, который в своей *Vita Isidori* хочет, по-видимому, дать понять, что Феон, отец знаменитой Гипатии, философа-неоплатоника, был только математиком. Он, действительно, говорит, что Гипатия не удовлетворилась математическим образованием, которое она получила от отца, но страстно занималась «другой философией», то есть другими частями философии²⁵². Но, всячески восхваляя Гипатию за ее философские качества и даже за ее понимание диалектики²⁵³, сравнивая ее далее с Исидором, Дамаский опустит и ее на уровень простого геометра. Следует прибавить, что Феон интересовался гаданиями по птицам; согласно Суде, он написал трактат «*Περὶ σημείων καὶ σκοπῆς ὀρνέων καὶ τῆς χοράων φωνῆς*» («О знаках и наблюдениях за птицами и голосом ворона»). Мы здесь снова видим интерес некоторых философов-неоплатоников к мантике²⁵⁴, и это подкрепляет мое предположение, что Феон, как и Гипатия, принадлежал к этой школе. До нас дошли два трактата Феона: комментарий к «Альмагесту» Птолемея и еще один, «Обиходные таблички». Введение к этому трактату, предназначенному для начинающих, упоминает более ранний трактат Феона на ту же тему, но более подробный и более трудный²⁵⁵. Суда упоминает еще и другие, ныне утраченные сочинения: трактат «О малой астролябии», следы которого сохранились на арабском языке²⁵⁶, и трактат «О восходе созвездия Пса».

Гипатия, дочь Феона Александрийского, убитая в 415 году христианами, преподавала неоплатоническую философию. Как свидетельствует Сократ в своей «Церковной истории»²⁵⁷, преподавание Гипатии считалось продолжением преподавания Плотина. Синесий,

знаменитый неоплатоник, который в конце концов стал епископом, был ее учеником. Она написала комментарий к «Арифметике» Диофанта, другой к «Астрономическим таблицам», которые составляют часть «Альмагеста» Птолемея, и еще один — к «Коническим сечениям» Аполлония²⁵⁸.

Достигнув начала V века нашей эры, далее мы можем обратиться к более беглому обзору. Я думаю, что для V и начала VI века вряд ли известны какие-либо другие авторы математических трактатов, нежели философы-неоплатоники. Сириан, Прокл, Марин, Домнин, Гермий, Аммоний, Симпликий, Боэций — все занимались вопросами, относящимися по крайней мере к одной из четырех математических наук. Их сочинения частично до нас дошли, частично известны только по заглавиям или по некоторым цитатам из греческих или арабских источников.

Итак, следует признать очевидное: преподавание естественных и математических наук составляло часть курса философии, и в большинстве случаев знание этих предметов могло быть достигнуто через занятия философией. Естественно, представители разных школ не преподавали всегда одни и те же предметы, а предметы одинаковым образом. Выше²⁵⁹ мы описали характерные черты разных школ: исключительный интерес платоников к четырем математическим наукам в ущерб наукам естественным; универсальный интерес перипатетиков; менее тенденциозный, чем у других, почти универсальный интерес стоиков с некоторым тем не менее уклоном в астрономию-астрологию и географию. Мы много говорили об онтологическом фоне преподавания четырех математических наук у платоников, и этот фон объясняет, почему такой современный математик, как П. Таннери, не очень высоко оценивает математические сочинения платоников: они вовсе не соответствуют нашим сегодняшним научным представлениям. Но Таннери — и с ним многие другие — совершенно ошибается, когда говорит о Паппе²⁶⁰, что вообще в эту эпоху математики заимствовали для себя звание философа». В другом месте он полагает, что эпитет «философ» должен был быть прибавлен переписчиками, чтобы отличить этих авторов от других с тем же именем²⁶¹. Следует, скорее, признать, что большая часть математиков, на самом деле, была философами и что математические науки либо составляли часть философии (перипатетики), либо служили к ней пропедевтическим введением (платоники). Следует также уточнить взгляды П. Таннери, когда он пишет по поводу «Арифметического введения» Никомаха Герасского, что его успех, сначала весьма ограниченный, «стал потом общепризнанным, когда не осталось математиков в собственном смысле слова, а только философы, от случая к случаю занимающиеся математикой. Ямвлих в IV веке являет собой начало этой эпохи решительного упадка. Желая изложить арифметические теории в соответствии с пифагорейским учением, он не знает иного источника, кроме Никомаха, и пересказывает его вплоть до обнаруженных мною случаев откровенной наивности, предварительно превознося его сочинение в самых пышных выражениях²⁶². Успех Никомаха не стал «общепризнанным с того момента, когда не стало более математиков в собственном смысле слова», потому что античность не знает математиков в собственном смысле слова, но только инженеров или архитекторов-математиков, или философов-математиков, — но тогда, когда в качестве последних остались только неоплатоники, а другие философские школы несколько померкли. Таким образом, из всей совокупности фактов следует извлечь вывод: если философы в античности, за исключением эпикурейцев, занимаются математическими науками, то они никогда не делают этого «от случая к случаю», но по идейной необходимости.

8. Заключение

Итак, можно подвести итоги этой главы следующим образом: наиболее распространенным видом образования для молодых людей из состоятельных семей в эпоху Империи были грамматика и риторика. Счету учили в рамках элементарного курса, который предшествовал грамматическому. После занятий риторикой, а иногда и одновременно с ними совсем незначительная часть продолжала занятия у философа, и только в рамках философского образования, или профессионального обучения у геометра или инженера,

можно было изучать математические науки, если учащийся не удовлетворялся поверхностным знакомством с некоторыми элементарными понятиями. Цикл семи свободных искусств выполняет в эпоху Империи роль институциональной основы общей культуры не в большей степени, чем в эллинистическую, и сам *quadrivium*, который, как мы видели, сформировался в эпоху Империи, по-прежнему остается особенностью образования в платонических школах.

Примечания

1. См. выше
2. См. выше
3. Ср. Страбон, *Geogr.*, XVI, 2, 24: Страбон рассказывает, что говорят о некоторых жителях Сидона, будто они умелы и искусны в многочисленных ремеслах (*πολύτεχνοι καὶ καλλιτέχνοι*), но что также они философы в области астрономии и арифметики (*φιλόσοφοι περὶ τῆς ἀστρονομίας καὶ ἀριθμητικῆς*). Впрочем, — продолжает он, — знание астрономии и арифметики пришло к грекам через финикийцев. Но в настоящее время, — говорит он, — в финикийских городах можно легко получить обширные знания во всех прочих ветвях философии (*ὅτι δὲ πάσης καὶ τῆς ἄλλης φιλοσοφίας*). Выражение *ἡ ἄλλη φιλοσοφία*, т. е. «прочая философия», противопоставляющая себя математическим наукам, геометрии, арифметике, музыке и астрономии (это означает, что математические науки составляют часть философии) достаточно характерно во всяком случае для эпохи Империи. Мы с ним встречаемся, например, у Евсевия Кесарийского, когда он дает *curriculum vitae* философа и епископа Анатолия и у Дамаския в жизнеописании Исидора, о Гипатии.
4. Ср. Страбон, *Geogr.*, I, 1, 1.
5. Ср. Страбон, *Geogr.*, XIV, 15.
6. Ср. ниже.
7. *IG minor*, t. II, n° 1006, строки 19–20.
8. *IG minor*, t. II, n° 1006, строки 62–65. Соблазнительно думать, что в случае с Зенодотом речь шла о курсе грамматики или, скорее, филологии, так как почему бы эфебам понадобились книги только по курсу Зенодота, а не других философов? Неизвестно, кем был этот Зенодот, но если он был философом, что, как представляется, доказывает самый текст надписи, и если он давал уроки грамматики, что является только гипотезой, то можно предположить, что он был философом-стоиком. Ведь только стоики считали грамматику частью философского образования. Не мог ли он быть известным учеником стоика Диогена из Вавилона, — этот вопрос задает себе М. Тод в своей статье *Sidelights on Greek Philosophers* (*The Journal of Hellenistic Studies*, t. LXXVII, 1957, p. 137)?
9. *IG minor*, t. II, n° 1028, строки 34–35.
10. *IG minor*, t. II, n° 1029, строка 21.
11. *IG minor*, t. II, n° 1030, строка 31.
- 11а. *IG minor*, t. II, n° 1039, III, строки 47–48.
12. *IG minor*, t. II, n° 1042 с, строка 19.
13. *IG minor*, t. II, n° 1043, III, строка 42 сл. ; ср. *ibid.*, II, строку 20; здесь упоминаются два предмета, философия и грамматика.
14. Страбон, *Geogr.*, IV, 1, 5. Ср. Тацит, *Agricola*, 4, 2–3. Тесть Тацита учился (в том числе и философии) в Массилии.
15. Тацит, *Ann.*, III, 43.
16. *Eumeni pro instaurandis scholis oratio*, XVII, 3.
17. *Ibid.*, XI, 2–3.
18. Плиний Младший, *Epist.*, IV, 13.
19. А. N. SHERWIN-WHITE, *The Letters of Pliny. A Historical and Social Commentary*, Oxford 1966, p. 199 ит p. 287.
20. Плиний Младший, *Epist.*, IV, 13, 6.
21. Ювенал, *Sat.*, 15, 110–113. Ср. Тацит, *Agricola*, 21, 2, где Тацит рассказывает, что его тесть Агрикола занимался, находясь в Британии, обучением британцев свободным искусствам.

22. Буквально *causidicos* = адвокатов, но адвокаты как раз и были риторам.
23. Ср. Светоний, *Divus Vespasianus*, 18: «Primus e fisco Latinis Graecisque rhetoribus annua centena constituit». Ср. также: Зонара 11, 17: διδασκάλους ἐν τῇ Ῥώμῃ καὶ τῆς Λατίνων καὶ τῆς Ἑλληνικῆς παιδείας κατέστησε, μισθὸν ἐκ τοῦ δημοσίου φέρωντας.
24. Ср. Иероним, *Chronica* (= R. HELM, *Eusebius' Werke*, t. VII, GCS. t. XLVII, Berlin 1956) за 88 год (ошибочная дата): «Quintilianus ex Hispania Calagurritanus primus Romae publicam scholam et salarium e fisco accepit et claruit».
25. Плиний Младший, *Epist.*, IV, 13, 10; II, 18, 3; III, 3. Ювенал, *Sat.*, 7, 168 слл. со схолиями.
- 26.
27. Светоний, *Divus Iulius*, 42.
28. Плутарх, *Cato maior*, 23.
29. Ср. также выше.
30. Ср. выше.
31. О привилегированном положении права у римлян ср. Joh. CHRISTES, *Bildung und Gesellschaft* (= *Etròge der Forschung*, t. 37, Darmstadt 1975), главы *Die Sonderrolle der Rechtswissenschaft*.
32. Светоний, *Divus Augustus*, 42.
33. В той же связи, однако, Ульпиан говорит и о *praeceptores*.
34. *Dig.*, L, 13, 1, 1.
35. Часто спорили о пользе трех великих наук — медицины, риторики и философии — для государства и для человечества. Квинтилиан, *Instit.*, VII, 1, 38, упоминает *controversia* такого рода: « Qui tres liberos habebat, oratorem, philosophum, medicum, testamento quattuor partes fecit et singulas singulis dedit, unam eius esse voluit qui esset utilissimus civitati». Ср. Квинтилиан, *Declamationes minores*, изд. RITTER (1884), p. 92, где рассматривается этот предмет. Медик выигрывает дело, поскольку деятельность ратора, а также философа, рассматривалась как зачастую враждебная государству и вредная для человечества.
36. *Dig.*, *loc. cit.*: «An et philosophi professorum numero sint? et non putem, non quia non religiosa res est, sed quia hoc primum profiteri eos oportet mercennariam operam spernere».
37. *Dig.*, *loc. cit.*: «Proinde ne iuris quidem civilis professoribus ius dicent: est quidem res sanctissima civilis sapientia, sed quae pretio nummario non sit aestimanda nec dehonesta, dum in iudicio honor petitur, qui in ingressu sacramenti offerri debuit. quaedam enim tametsi honeste accipiantur, inhoneste tamen petuntur».
38. Межевым делом, как считалось долгое время, обязаны были заниматься *haruspices*, пока это не стало самостоятельной профессией.
39. R. HERZOG, *Urkunden zur Hochschulpolitik der römischen Kaiser*, в *Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-histor. Klasse*, t. XXXII, 1935.
40. *Dig.*, L, 4, 18, 29–30.
41. *Dig.*, L, 4, 18, 29–30 = Arcadius Charisius, *libro singulari de muneribus civilibus*: «Haec omnia munera, quae trifariam divisimus, una significatione comprehenduntur: nam personalia et patrimoniorum et mixta munera civilia seu publica appellantur. Sive autem personalium dumtaxat sive etiam civilium munerum immunitas alicui concedatur, neque ab annona neque ab angariis neque a veredo neque ab hospite recipiendo neque a nave neque a capitacione, exceptis militibus et veteranis, excusari possunt. Magistris, qui civilium munerum vacationem habent, item (id est conii. *Cujas*. item *codd.*) grammaticis et oratoribus et medicis et philosophis, ne hospitem reciperent, a principibus fuisse immunitatem indultam et divus Vespasianus et divus Hadrianus rescripserunt». (О переводе этого отрывка ср. ниже с. 7ъ.) Из этого текста в целом вытекает, что учителя и врачи были освобождены от общественных повинностей. Если это указано недвусмысленно относительно *magistri*, каковые являются *magisiri ludi litterarii*, то есть учителя начальных школ, то это потому, что они пользовались льготой только в виде исключения: ср. *Dig.*, L, 5, 2, 8.
43. Светоний, *Divus Titus*, 8.
44. Светоний, *Domitianus*, 20.
45. Светоний, *Domitianus*, 10.
46. Плиний Младший, *Epist.*, X, 58, 5–6.

48. Плиний Младший, *Panegyricus*, 47.
49. Дион Кассий, LXVIII, 16. Ср. Авл Геллий, *Noctes Atticae*, XI, 17, 1.
51. *Historia Augusta, Hadrianus*, 14, 8–9.
55. *Historia Augusta, Hadrianus*, 15, 10.
56. *Historia Augusta, Hadrianus*, 15, 12–13.
57. *Historia Augusta, Hadrianus*, 20, 2.
58. *Historia Augusta, Hadrianus*, 16, 8–11.
59. H. DESSAU, *Inscr. Lat. Sel.*, t. II, 2, Berlin 1906 (21955), n° 7784.
60. Филострат, *Vit. soph.*, I, 524; I, 532–533.
61. Афиней, *Deipnosoph.*, XV, 677e.
62. Ср. Дион Кассий, LXXIV, 17; Аврелий Виктор, *Caesares*, 14, 3.
63. Ср. Н. BRAUNERT, *Das Athenaeum zu Rom bei den Scriptoribus Historiae Augustae*, в *Historia-Augusta-Colloquium*, Bonn 1963, Bonn 1964, S. 9–41.
64. *Dig.*, XXVII, I, 6, 1–2. Перевод этого по большей части заимствован у Nicole CHARBONNEL, *Les «Munera Publica» au IIIe siècle*, р. 267s., докторская диссертация Université de Droit, d'Économie et des Sciences Sociales (Paris II, 1971), хранящаяся в Bibliothèque de la Faculté de Droit (2, rue Cujas). В этой работе читатель обнаружит интересное рассмотрение проблемы привилегий.
- 64а. См. Приложение.
65. F. OERTEL, *Die Liturgie. Studien zur ptolemäischen und kaiserzeitlichen Verwaltung Ägyptens*, Aalen 1965 (Leipzig 1917), S. 395; G. W. BOWERSOCK, *Greek Sophists in the Roman Empire*, Oxford 1969, p. 33.
66. Ср. J. W. H. WALDEN, *The Universities of Ancient Greece*, London 1912, p. 97, который придерживается того же мнения. Ср. также Лонгина у Порфирия, *Vit. Plot.*, 20, 17–20, который отмечает, что, когда он был молод, философов было много, в то время как теперь (то есть в момент работы над трактатом «О возвышенном», между 263 и 268 годами) они стали редкостью.
68. Ср. Филострат, *Vit. soph.*, I, 8.
69. Ср. Лонгин у Порфирия, *Vit. Plot.*, 20, 49–55.
70. Ср. Евнапий, *Vit. philos. et soph.*, 456 и Порфирий, *Vit. Plot.*; 20, 1–2.
71. W. SCHUBART et U. VON WILAMOWITZ-MOELLENDORF, *Epische und elegische Fragmente*, в *Berliner Klassikertexte*. Heft, V, 1, Berlin 1907, S. 82–93.
72. *Ibid.*, p. 86.
- 72а. Элий Аристид, *Orat.*, XXXII, 24–25, t. II, p. 222–223 KEIL.
- 72b. С. А. ВЕНР, *Aelius Aristides and the Sacred Tales*, Amsterdam 1968, p. 11.
73. Ср. Либаний, *Epist.*, 703, 4 Wolf (= 793 FÖRSTER, 58 G. FATOUROS-T. KRISCHER). См., наконец, G. FATOUROS и T. KRISCHER в *Libanios. Briefe*, München 1979, p. 417 прим. 9, которые интерпретируют этот отрывок в смысле двойного преподавания и философии, и риторики. Однако я задаю себе вопрос, не хотел ли Либаний просто сказать, что Фемистий читал курс философии, пользуясь всякого рода риторическими ухищрениями. Вот текст: «Ты можешь насчитать очень большое число учащихся, очень довольных тем, что они смогли достичь (на твоих занятиях) истины и одновременно (μετ' ἐκείνης scil. ἀληθείας) обрести опыт в умении хорошо говорить. Ведь в тебе сочетаются оба дара Платона: учить благородным вещам и делать это прекрасным языком».
74. *Historia Augusta, Antoninus Pius*, 11, 3.
75. *Eumeni pro instaurandis scholis oratio*, 5, 3 et 11,2.
76. Татиан, «Речь к грекам», 19, 84, р. 20, 25 слл. изд. E. SCHWARTZ. Leipzig, 1888.
77. Ср. J. W. H. WALDEN, *The Universities of Ancient Greece*, London 1912, p. 171., который дает следующую сравнительную таблицу: императорское жалование = 10 000 драхм = \$ 1 800; 600 aurei = \$ 3 000.
78. CHRIST-SCHMID-STÄHLIN, *Geschichte der griechischen Literatur*⁶, München 1924, t. II, 2, p. 1288 сл.
79. Aimé PUECH, *Recherches sur le discours aux Grecs de Tatien*, p. 10 et 96, *Bibliothèque de la Faculté des Lettres de l'Université de Paris*, t. XVII, Paris 1903.

80. P. ПЕТИТ, *Libanius et la vie municipale a Antioche au IVe siècle aprus J.-C.*, Paris 1955 (Institut Français d'Archéologie de Beyrouth, Bibliothèque archéologique et historique, t. LXII), p. 409 сл.

81. На самом деле речь всегда идет лишь о части молодежи: молодых людях из состоятельных семей.

82. Категория учителей римского права на государственном обеспечении появилась только в III веке, и преподавание римского права велось лишь в ограниченном числе городов.

83. Oxford 1969, p. 32.

85. О разнице между эдиктом и *rescriptum*, а также об истории развития этого последнего жанра подробные сведения приводятся в книге: Т. HONORÉ, *Emperors and Lawyers*, London 1981. Уточним, что рескрипт — это форма юридического ответа императора или его канцелярии на тяжбы, вынесенные на его суд частными лицами или общинами.

86. *Dig.*, L, 4, 18, 29-30: Аркадий Харизий, *libro singulari de muneribus civilibus*, цит. прим. 41.

87. Об этих вопросах ср. работу Nicole CHARBONNEL: *Les «Munera Publica» au IIIe siècle*, цит. прим. 64.

88. G. W. BOWERSOCK, *Greek Sophists in the Roman Empire*, p. 32. R. HERZOG, *Urkunden zur Hochschulpolitik der römischen Kaiser, Sitzungsberichte der preuss. Akademie der Wissenschaften, Phil.-histor. Klasse*, 1935, S. 983.

90. *Dig.*, L, 5, 2, 8: Ульпиан, *libro tertio opinionum*: «Qui pueros primas litteras docent, immunitatem a civilibus muneribus non habent: sed ne cui eorum id quod supra vires sit indicatur, ad praesidis religionem pertinet, sive in civitatibus sive in vicis primas litteras magistri doceant».

91. Ср. напр. статью *Ulpianus* (H. GÄRTNER в *Der kleine Pauly*, t. V, Sp. 1043). 92. *Dig.*, L, 13, 1, 6: Ульпиан, *lib. VIII de omnibus Tribunalibus*: «Ludi quoque litterarii magistris licet non sint professores, tamen usurpatum est, ut his quoque ius dicatur: iam et librariis et notariis et calculatoribus sive tabulariis. Sed ceterarum artium opificibus sive artificibus, quae sunt extra litteras vel notas positae, nequaquam extra ordinem ius dicere praeses debebit».

94. Плиний Младший, *Epist.*, X, 58, 1: «Flavius Archippus vacationem petere coepit ut philosophus».

95. G. W. BOWERSOCK, *op. cit.* p. 33, прим. 1.

96. A. N. SHERWIN-WHITE, *The Letters of Pliny. A Historical and Social Commentary*, Oxford 1966, p. 641.

97. Обо всем, касающемся всаднических прокураторских карьер, в их гражданском и военном аспекте, я отсылаю читателя к следующей диссертации: H. G. PFLAUM, *Essai sur les procureurs équestres sous le Haut-Empire Romain*, Paris 1950, и к дополнительной монографии того же автора *Les carrières procuratoriennes équestres sous le Haut-Empire Romain*, Paris 1960–1961. — Ради общего представления можно не без пользы прочесть J. GAGÉ, *Les classes sociales dans l'Empire romain*, Paris 1971, а именно главу «Les conditions sociales de la vie intellectuelle et artistique», p. 221–247.

98. Филострат, *Vit. soph.*, I, 22, 524; *Forschungen in Ephesus*, публикация Österreichisches archäologisches Institut, Wien, t. III, 1923, p. 133, n. 47; ср. H. G. PFLAUM, *Les carrières procuratoriennes...*, t. III, Paris 1961, p. 1100.

99. Дион Кассий, LXXI, 17, 2 et LXIX, 3, 5. Ср. следующую статью: G. V. TOWNEND, *The Post of ab epistulis in the Second Century*, *Historia*, t. X, 1961, p. 375–381.

100. Ср. H. G. PFLAUM, *Les carrières procuratoriennes...*, t. I, p. 252 слл.

101. Филострат, *Vit. soph.*, I, 22, 524.

102. Ср. Марк Аврелий, VIII, 25.

103. Ср. Дион Кассий, LXIX, 18, 3 et LXXII, 35, 1.

104. H. DESSAU, *Inscr. Lat. Sel.*, t. I, Berlin 1906 (²1954), n° 2928.

105. Ср. *M. Cornelii Frontonis epistulae*, изд. M. P. J. VAN DEN HOUT, n° 51, p. 81 et n° 8, p. 161.

106. Ср. Филострат, *Vit. soph.*, II, 5, 571.

107. Ср. H. G. PFLAUM, *Les carrières procuratoriennes...*, p. 651 слл.

108. Ср. Филострат, *Vit. soph.*, II, 33, 628.

110. Ср. *Eumeni pro instaurandis scholis oratio*, XI, 2, в E. GALLETIER, *Panügyriques Latins*, t. I, Paris, «Les Belles Lettres», 1949, p. 130.

111. Ср. GALLETIER, *op. cit.*, p. 130, прим. 2.
112. Ср. *Incerti panegyricus Constantio Caesari dictus*, I,1–4, dans E. GALLETIER, *Panegyriques Latins*, t. I, p. 82.
113. Ср. *Codex Justinianus*, LIII, 2.
114. Ср. Модестин, *Liber II excusationum* — Dig; XXVII, I, 6, 10.
115. Ср. Модестин, *loc. cit.*
116. G. W. BOWERSOCK, *Greek Sophists in the Roman Empire*, p. 38 слл.
- 116а. Ср. С. А. ВЕНР, *Aelius Aristides and the Sacred Tales*, Amsterdam 1968, p. 3.
117. Ср. ответ Севера, римского чиновника с соответствующими полномочиями, у Элия Аристида, *Hieros logos*, IV, 87, t. II, p. 447, 14–17 КЕИЛ: «Учитывается не твое риторическое искусство, а то, что быть первым из греков и лучшим в риторическом искусстве, — он отозвался обо мне так, — одно дело, и совсем другое — сделать из этого профессию и иметь учеников».
119. Н. PETER, *Die Scriptorum Historiae Augustae*, Leipzig 1892, и Ch. LÉCRIVAIN, *Études sur l'Histoire Auguste*, Paris 1904.
120. Joh. STRAUB, *Heidnische Geschichtsapologetik in der christlichen Spätantike. Untersuchungen über Zeit und Tendenz der Historia Augusta*, в *Beiträge zur Historia Augusta-Forschung*, t. I, Bonn 1963.
121. Е. НОНЛ, *Die Historia Augusta und die Caesares des Aurelius Victor*, в *Historia*, t. IV, 1955, S. 220–228; *Über das Problem der Historia Augusta*, в *Wiener Studien*, t. LXXI, 1958, S. 132–152.
122. Joh. STRAUB, *Heidnische Geschichtsapologetik...*, S. XVII.
123. *Alexanuvr Severus*, LI, 7–8. Об этой максиме ср. А. ДИЛЕ, *Die Goldene Regel*, Göttingen 1962.
124. *Alexander Severus*, XXIX, 2.
125. R. SYME, *The Bogus Names in the Historia Augusta*, *Historia-Augusta-Colloquium*, Bonn 1964/5, Bonn 1966, S. 257–272.
126. Joh. STRAUB, *Severus Alexander und die Mathematici*, *Historia-Augusta-Colloquium*, Bonn 1968/9, Bonn 1970, S. 247, прим. 2.
127. Жизнеописание Платона, написанное Апулеем в трактате «Платон и его учение», восходит, как мне кажется, в общих чертах к биографии Платона, (составленной Дикеархом, учеником Аристотеля?), которую цитирует эпикуреец Филодем и которая вскоре будет нам доступна в новом и более полном издании Геркуланского папируса, содержащего ее. Это издание будет подготовлено Tiziano Doranti. Я получила эту информацию в следующей статье: К. GAISER, *Platons Universität. Ein neuer Quellentext aus Herculanum*, в *Neue Züricher Zeitung*, 7./8. Nov. 1981, где содержится резюме и даже перевод некоторых отрывков из этого текста.
129. Апулей, *De Plat. et eius dogm.*, I, 2, 184, p. 61 BEAUJEU.
130. *Alexander Severus*, III, 1.
131. *Alexander Severus*, III, 1–4.
132. *Alexander Severus*, XIV, 5.
133. *Marcus Aurelius*, II, 2.
134. *Alexander Severus*, XXVII, 5.
135. Апулей, *De Plat. et eius dogm.*, I, 2, 184, p. 61 BEAUJEU.
136. *Alexander Severus*, XXVII, 5.
137. Апулей, *De Plat. et eius dogm.*, I, 3, 186, p. 62 BEAUJEU.
138. Апулей, *De Plat. et eius dogm.*, I, 2, 184, p. 61 BEAUJEU; *Alexander Severus*, XXVII, 7
139. *Alexander Severus*, XXVII, 9; ср. XXX, 4.
140. Апулей, *De Plat. et eius dogm.*, I, 2, 184, p. 61 BEAUJEU.
141. *Alexander Severus*, XXX, 1.
142. *Alexander Severus*, XXX, 2.
143. *Alexander Severus*. XXX, 2.
144. *Alexander Severus*, XXXI, 4.
145. Ср. P. HADOT, *Marius Victorinus. Recherches sur sa vie et ses œuvres*, Paris 1971, r *Le commentaire sur Virgile*, p. 215–231. Ср. P. COURCELLE, *Interprétations néoplatonisantes du livre VI de l'Énéide*, в *Entretiens sur l'Antiquité classique*, t. III, Fondation Hardt, Vand uvres-Genève 1955, p. 118–122.

146. *Alexander Severus*, XXXV, 1–2.
147. *Alexander Severus*, XXXV, 4. 148. *Alexander Severus*, XXXV, 1–4; ср. XXX. 3.
149. *Alexander Severus*, XXVII, 5.
150. Joh. STRAUB, *Severus Alexander und die Mathematici...*, p. 249.
151. *Aelius*, III, 9; *Severus*, III, 9; *Pescennius Niger*, IX, 6.
152. *Alexander Severus*, XXVII, 5.
153. Joh. STRAUB, *Severus Alexander und die Mathematici...*, p. 257.
154. F. H. CRAMER, *Astrology in Roman Law and Politics, Mem. of the American Philos. Society*, t. XXXVII, Philadelphia 1954.
155. *Alexander Severus*, XXXIV, 4.
157. *Codex Theodosianus*, XIII, 4,1.
158. Ср. Gl. DOWNEY, *Byzantine Architects, Their Training and Methods, Byzantion*. t. XVIII, 1948, p. 99–118.
159. *Codex Theodosianus*, XIII, 4, 3.
160. Грамматики и риторы на государственном жалованье получали (всегда?) также и индивидуальные гонорары от своих учеников: ср. напр. о Либании Р. РЕТТ, *Les étudiants de Libanius. Un professeur de Faculté et ses élèves au Bas-Empire*, Paris 1957, p. 144 сл. Отношение к этому философов неодинаково. Олимпиодор (*In Alcib.*, 140, p. 92 WESTERINK) цитирует Платона, который, в противоположность стоику Зенону, не признавал гонораров. Сам Олимпиодор (неоплатоник первой половины IV века) не думает, как представляется, что так должны поступать все философы, так как он добавляет: «Но, возможно, Платон не требовал денег, поскольку был богат». Фемистий, философ, современный Либанию, утверждает (*Orat.* XXIII, 288a, t. II, p. 82, 15 слл.), что он не брал гонораров.
162. Ср. резюме доклада R. GOULET, *Les intellectuels panens dans l'Empire chrétien selon Eunape de Sardes*, в *Annuaire de l'École pratique des hautes études, V^e section*, t. LXXXIX, 1980–1981, p. 411–414.
163. О неоплатонической ориентации Аммиана Марцеллина ср. J. SZIDAT, *Der Neuplatonismus und die Gebildeten im Westen des Reiches. Gedanken zu seiner Verbreitung und Kenntnis außerhalb der Schultradition*, в *Museum Helveticum*, t. XXXIX, 1982, p. 132–145.
164. Аммиан Марцеллин, XXI, 1, 7 слл.
165. Лукиан, *Eunuchus*, 3.
166. Ср. J. GLUCKER, *Antiochus and the Late Academy*, p. 148–150, опровергающий Марру, который переводит «второй по времени (перипатетик)».
167. Филострат, *Vit. soph.*, II, 2, 566.
168. Филострат, *Vit. soph.* . II, 2, 566.
169. Лукиан, *Eunuchus*, 2.
170. Дион Кассий, LXXII, 31,3.
172. Для Галлии ср. эдикт императоров Валента, Грациана и Валентиниана от 23 мая 367 года (*Cad. Theod.*, XIII, 3, 11), устанавливающий сумму *annonae*, которая должна выплачиваться государством грамматикам и риторам, преподающим два языка. Но последняя фраза: «*Trevirorum vel clarissimae civitati uberius aliquid putavimus deferendum, rhetori ut triginta, item viginti grammatico Latino, Graeco etiam, si qui dignus repperiri potuerit, duodecim praebentur annonae*» указывает, что, по-видимому, в Галлии было трудно найти достойных грамматиков для преподавания греческого языка.
173. Квинтилиан (*Instit.*, II, 1, 1; I, 1, 12–13 и в других местах) говорит об одновременном преподавании греческой и латинской грамматики как о чем-то само собой разумеющемся.
174. О Плинии Младшем и его окружении ср. Плиний Младший, *Epist.*, III, 1, 7; IV, 3, 3; IV, 18; VII, 4, 2; VII, 25, 4; VIII, 4: друг его, Каниний, решает написать эпическую поэму на греческом языке о войне с Дакией; VI, 6, 3: Плиний одновременно занимается латинской риторикой у Квинтилиана и греческой у Никиты Сацердота (весьма известный и популярный римский ритор, ср. Тацит, *Dial.*, 15, 3).
175. Марк Аврелий учился у латинского ритора Фронтоня и греческого — Герода Аттика.
176. Ср. P. COURCELLE *Les Lettres grecques en Occident de Macrobie a Cassiodore*, Paris 1948², p. 4.

177. Ср. выше с. 76; ср. P. COURCELLE, *op. cit.*, p. 122 слл.
178. Ср. P. COURCELLE, *op. cit.*, p. 120 слл.
179. Ср. P. COURCELLE, *op. cit.*, p. 9 слл.
180. Ср. P. COURCELLE, *op. cit.*, p. 4 сл.
181. Ср. P. COURCELLE, *op. cit.*, p. 223 слл.
182. Ср. P. COURCELLE, *op. cit.*, p. 239 сл.
183. Ср. P. COURCELLE, *op. cit.*, p. 237 сл.
184. Ср. H. KIRKBY, *The Scholar and his Public*, в *Boethius, His Life, Thought and Influence*, изд. M. GIBSON, Oxford 1981, p. 54.
185. Ср. P. COURCELLE, *op. cit.*, p. 257 слл.
186. Ср. P. RICHE, *Éducation et culture dans l'Occident barbare, VIe – VIIIe siècles*, Paris 1962, p. 83.
187. H. KIRKBY, *op. cit.*, p. 44–69.
188. Ср. P. RICHE, *op. cit.*, p. 83.
189. В восточных провинциях местное право сохраняет некоторое влияние в рамках муниципий.
190. G. DAGRON, *Aux origines de la civilisation byzantine: langue de culture et langue d'État*, в *Revue Historique*, t. CCXLI, 1969, p. 38.
192. Ср. F. SCHEMMEL, *Die Schule von Berytus*, в *Philologische Wochenschrift*, 10. März 1923, Sp. 236–240.
193. Школа в Константинополе была основана Феодосием II в 425 году и имела две кафедры права, как и в Бейруте, для латиноязычных преподавателей. В то же время Феодосий II учредил кафедры для десяти учителей латинской грамматики, десяти — греческой грамматики, трех латинских риторов, пяти греческих риторов и одного философа (ср. *Cod. Theod.*, XIV, 9, 3).
194. Ср. E. SEIDL, *Römische Rechtsgeschichte und römisches Zivilprozessrecht*, 1962.
195. Ср. G. DAGRON, *op. cit.*, p. 43.
196. G. DAGRON, *op. cit.*, p. 38 сл.
197. См. об этом последнем: Либаний, *Epist.*, 865, t. XI, p. 21 сл. и 1106, t. XI, p. 214 FOERSTER.
198. Либаний, *Orat.*, I, 76, t. I, p. 120 FOERSTER.
199. Ср. P. PETIT, *Libanius et la vie municipale à Antioche au IVe siècle aprus J.-C.*, *Bibliothèque archéologique et historique*, t. LXII, Paris 1955, p. 359–371; он же, *Les étudiants de Libanius. Un professeur de faculté et ses élèves au Bas-Empire*, Paris 1957, p. 179–185.
200. Ср. Либаний, *Epist.*, 539, t. X, p. 506 FOERSTER; *Orat.*, XXXVIII, 6, t. III, p. 255 и *Orat.*, LVIII, 21–22, t. IV, p. 191 FOERSTER.
201. Ср. Либаний, *Epist.*, 209, t. X, p. 192 FOERSTER.
202. Ср. G. DAGRON, *op. cit.*, p. 42 слл.
- 202а. Об отношениях между инженерами (*μηχανικοί*) и архитекторами ср. выше, прим. 158.
203. Для языческой античности астрология и астрономия чаще всего практически не отличались друг от друга, и слово *astrologia* могло означать оба предмета. Ср. Симплиций, *In Phys.*, t. I, p. 293, 10–15 DIELS.
204. Это не исчерпывающий перечень, но достаточный, чтобы сделать выводы.
- 204а. Симплиций, *In Phys.*, t. I, p. 291, 21–292, 31 DIELS.
205. Прокл, *In primum Euclidis*, см. слово Γεμίλος в указателе изд. FRIEDIEIN p. 438.
206. Ср. статьи *Geminos* (TITTEL, в *Realenc. der classischen Altertumswiss.*, 13. Halbband, 1910, Sp. 1026–1051, и J. MAU в *Der kleine Pauly*. t. II, Sp. 731–733); ср. P. DUHEM, *Le systéme du monde*, t. I, Paris б. г., p. 472–473.
207. R. GOULET, *Cléomude, Théorie élémentaire*, Paris 1980, p. 16.
208. R. GOULET, *op. cit.*, p. 9 и 11.
209. Ср. R. GOULET, *op. cit.*, p. 5–8.
210. *Introductio in Aratum* 16 et 19, в *Commentariorum in Aratum reliquiae*, p. 43, 9 et 46, 3 MAAS.
211. *Catalogus codicum astrologorum graecorum*, изд. P. BOUDREAUX, t. VIII, 3, Bruxelles 1912, p. 99–101.

212. Ср. Порфирий, *In Ptolemaei Harmonica*, p. 91, 16 слл. et 96, 16 слл. DÜRING. Göteborg 1932.
213. Ср. Н. DÖRRIE, *La manifestation du Logos dans la création. Quelques remarques a propos d'une contribution du platonicien Thrasyllus a la théorie des Idées*, в *Les Cahiers de Fontenay*, n° 19, 20, 21, 22 = *Néoplatonisme, Mélanges offerts a Jean Trouillard*, Fontenay-aux-Roses, 1981, p. 140–157.
214. Ср. Диоген Лаэртский, III, 56, et IX, 37.
215. Альбин, *Eisagoge*, 4, dans Hermann, *Platonis Opera*, t. VI, p. 149.
216. Ср. М. DUNN, *Iamblichus, Thrasyllus and the Reading Order of the Platonic Dialogues*, dans *The Significance of Neoplatonism*, Norfolk (USA) 1976, p. 58–80.
217. Ср. Порфирий, *Vit. Plot.*, 20, 75.
218. Страбон, *Geogr.*, I, 1, 1. Ср. выше прим. 4 и ниже прим. 271–273.
219. Страбон, *Geogr.*, I, 1, 1 слл.
220. Прокл, *In primum Euclidis*, p. 305, 24 et p. 364, 13 FRIEDLEIN.
221. Ср. статью Heron J. MAU в *Der kleine Pauly*, t. II, Sp. 1106–1109.
222. Прокл, *In primum Euclidis*, p. 241, 19–243, 11 FRIEDLEIN.
223. Ср. Р. TANNERY, *Sur Carpos d'Antioche*, в *Mémoires scientifiques*, публ. J.-L. HEIBERG и Н.-G. ZEUTHEN, t. II, Toulouse-Paris 1912, p. 549–554.
224. Ср. Прокл, *In primum Euclidis*, p. 125, 25 слл. FRIEDLEIN.
226. Ср. Р. DUHEM, *Le systume du monde*, t. I, Paris б. г., p. 400–403.
228. См. об этом Р. TANNERY, *Sur Théon de Smyrne*, в *Mémoires scientifiques*, t. II, p. 455–465, с иной точкой зрения.
229. Бюст в настоящее время находится в Капитолийском музее в *stanza dei filosofi*.
230. *Suidae Lexikon*, t. IV, p. 254, 4 ADLER (Ptolemaios, 3033): «Птолемей, по имени Клавдий, из Александрии, философ».
231. Fr. BOLL, *Studien über Claudius Ptolemaeus*, диссертация, München 1891, *Jahrbücher für class. Philologie*, Suppl. XXI, 1894, S. 66–110.
232. Fr. BOLL, *op. cit.*, S. 109.
- 232a. F. LAMMERT, *Zur Erkenntnislehre der späteren Stoa. Ptolemaios, Περί χρητήριου καὶ ἡγεμονικοῦ*, 10,11–13,13 H, в *Hermes*, t. LVII, 1922, p. 171–188, пришел в силу этого обстоятельства к мысли о стоическом источнике. Ср. также К. ZIEGLER, E. BOER, B. L. VAN DER WAERDEN, F. LAMMERT, статью *Ptolemaios* в *Realenc. der classischen Altertumswiss.*, 46. Halbband, 1959, Sp. 1788–1858.
234. Ср. Р. TANNERY, *Sur les fragments de Héron d'Alexandrie conservés par Proclus*, в *Mémoires scientifiques*, t. I, 1912, p. 163.
235. Ср. R. BEUTLER, статью *Porphyrios*, в *Realenc. der classischen Altertumswiss.*, 43. Halbband, 1953, Sp. 300, n° 66.
236. Ср. Р. TANNERY, *Sur Sporos de Nicée*, в *Mémoires scientifiques*, t. I, p. 178–184.
237. Ср. статью *Pappos* (К. ZIEGLER в *Der kleine Pauly*, t. IV, Sp. 494–495); ср. также Р. TANNERY, *A quelle époque vivait Diophante?* в *Mémoires scientifiques*, t. I, p. 62–73. Статья Суды между тем говорит о нем и о Феоне Александрийском как о современниках императора Феодосия I.
238. *Suidae Lexikon*, t. IV, p. 26, 3 ADLER (Pappos, 265) «Папп, из Александрии, философ».
239. Р. TANNERY, *La religion des derniers mathématiciens de l'Antiquité*, в *Mémoires scientifiques*, t. II, p. 533 сл.
240. *Collection des anciens alchimistes grecs*, t. I, p. 27 BERTHELOT-RUELLE.
241. Ср. Р. HADOT, *Porphyre et Victorinus*, t. I, Paris 1968, p. 392 слл.
242. Евсевий, *Hist. Eccl.*, VII, 32, 20.
243. Евсевий, *Hist. Eccl.*, VII, 32, 6: (ὄν ἔνεκα καὶ τῆς ἐπ' Ἀλεξανδρείας Ἀριστοτέλους διαδοχῆς τὴν διατριβὴν συστήσασθαι). Об интерпретации термина *διατριβή* в этом отрывке ср. J. GLUCKER, *Antiochus and the Late Academy*, *Hypomnemata*, t. LVI, Göttingen 1978, S. 150 сл.
244. Евсевий, *Hist. Eccl.*, VII, 32, 13.
245. Евсевий, *Vit. philosoph. et sophist.*, 457 сл.
246. Ср. Р. TANNERY, *Anatolius d'Alexandrie*, в *Mémoires scientifiques*, t. III, Toulouse-Paris 1915, p. 321–322; ср. Е. ZELLER-R. MONDOLFO, *Filosofia dei greci*. Parte III, t. VI, Firenze 1961, p. 2, прим. 2.

247. Ср. R. GOULET, *Porphyre, Ammonius, les deux Origène et les autres*, в *Revue d'Histoire et de Philosophie religieuse*, 1977, p. 471–496.
248. G. BARDY, *Eusèbe de Césarée, Histoire Ecclésiastique*, (*Sources Chrétiennes*, t. XLI), t. II, p. 223 n. 8 BARDY.
249. P. TANNERY, *A quelle époque vivait Diophante?* в *Mémoires scientifiques*, t. I, p. 62–73.
250. P. TANNERY, *Serenus d'Antissa*, в *Mémoires scientifiques*, t. I, p. 292.
251. *Suidae Lexikon*, t. II, p. 702, 12 ADLER (Theon, 205).
252. Дамаский, *Vita Isidori*, frg. 102, p. 77, 4 ZINTZEN. Об этом выражении ср. выше прим. 3 и текст Евсевия.
253. Дамаский, *Vita Isidori*, frg. 104, p. 79, 12 ZINTZEN.
255. Ср. А. SEGONDS, *Jean Philopon, Traité de l'astrolabe*, Paris 1981, p. 15.
256. Ср. А. SEGONDS, *Jean Philopon, Traité de l'astrolabe*, Paris 1981, p. 16.
257. Сократ, *Historia Ecclesiastica*, VIII, 5.
258. Ср. P. TANNERY, *L'article de Suidas sur Hypatia*, в *Mémoires scientifiques*, t. I, p. 74–79.
260. P. TANNERY, *La religion des derniers mathématiciens*, в *Mémoires scientifiques*, t. II, p. 534.
261. P. TANNERY, *Serenus d'Antissa*, в *Mémoires scientifiques*, t. I, p. 297.
262. P. TANNERY, *Domninos de Larissa*, в *Mémoires scientifiques*, t. II, p. 109.